

ИСТОРИЧЕСКАЯ АВАНТЮРА

Кирилл КИРИЛЛОВ

**АФНАСИЙ НИКИТИН:
ВРЕМЯ СИЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ**

Между любовью и долгом, между честью и выгодой,
между войной и миром.

Кирилл Кириллов
Афанасий Никитин: Время сильных людей
Серия «Афанасий Никитин», книга 1

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4578564
Афанасий Никитин: Время сильных людей: Крылов; Москва; 2011
ISBN 978-5-4226-0200-1

Аннотация

Они были словно из булата. Не гнулись тогда, когда мы бы давно сломались и сдались. Выживали там, куда мы бы и в мыслях побоялись сунуться. Такими были люди давно ушедших эпох. Но даже среди них особой отвагой и стойкостью выделяется Афанасий Никитин.

Легенды часто начинаются с заурядных событий: косога взгляда, неверного шага, необдуманного обещания. А заканчиваются долгими походами, невероятными приключениями, великими сражениями. Так и произошло с тверским купцом Афанасием, сыном Никитиным, отправившимся в недалекую торговую поездку, а оказавшимся на другом краю света, в землях, на которые до него не ступала нога европейца.

Ему придется идти за бурные, кишасшие пиратами моря. Через беспокойные земли Золотой орды и через опасные для любого православного персидские княжества. Через одиночество, боль, веру и любовь. В далекую и загадочную Индию – там в непроходимых джунглях хранится тайна, без которой Афанасию нельзя вернуться домой. А вернуться он должен.

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	15
Глава третья	22
Глава четвертая	33
Глава пятая	47
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Кирилл Кириллов Афанасий Никитин: Время сильных людей

Глава первая

Пудовый кулак вцепился в скулу, в голове зазвенело, во рту стало солоно. Заскрипели друг о друга осколки зубов. Еще один удар пришелся в ребра, вызвав под сердцем тупую ноющую боль. Третий, видать, сапогом, угодил под колено. Нога подвернулась, Афанасий упал, ударившись лбом о заплеванный пол. Звякнула о доски даренная матерью ладанка¹ – последняя уцелевшая драгоценность. Перед глазами замаячило расплывающееся лицо хозяина таверны, взявшего на себя роль судьи.

– Ну что, русин, сдаешься? – донесся его голос, едва различимый за ревом толпы, плотным кольцом обступившей место схватки.

Афанасий в ответ только помотал головой, разбрызгивая вокруг капли пота и крови. Заскреб ногтями по полу, стараясь нащупать опору.

– Лежи, не вставай, не то убьет он тебя совсем, – раздался над ухом скрипучий голос местного доброхота.

– Пошел ты... – пробормотал в ответ Афанасий и, подобрав под себя руки, встал. Отирая кровь с рассеченной скулы, прищурился, ловя взглядом громадную фигуру супостата.

Тот стоял вполоборота и о чем-то спорил с маленьким, юрким как хорек человеком с черными бусинками глаз. Заметив, что его противник поднялся, недоуменно вскинул бровь и повернулся к русичу всем своим гигантским телом.

Он был страшен. До блеска выбритая голова и по-детски круглое, без морщин, лицо. Пот блестел на могучей шее, вислых плечах и больших, как у женщины, грудях. Пудовые кулаки прикрывали выпирающее над широким кожаным поясом, стягивающим домотканого сукна шаровары, брюхо. Мягкие сапожки шаркали по полу, выискивая опору понадежней. Ну натуральный бык.

Афанасий тяжело вздохнул. Посмотрел на свой впалый живот, подвязанные веревкой порты, драные самоплетные лапти и вздел к голове кулаки. Заструились к локтям синие дорожки набухающих вен.

Увидев это его геройство, противник разразился обидным хохотом. Он смеялся долго, задрав голову, дергая кадыком и колышась телесами. Из толпы раздалась подхалимские смешки. Неожиданно оборвав веселье, гигант шагнул вперед, по пологой дуге запуская гирю кулака в голову Афанасия.

Тот уклонился, скользнул под его рукой, сморщившись от зловония, исходившего от подмышек гиганта, повернулся как раз вовремя, чтоб уйти от следующего удара, способного разнести голову, как спелую тыкву.

Промажнувшись, «бык» пробежал несколько шагов вперед и, оступившись, чуть не распластался на столе. Полетели на пол глиняные кружки, разбрызгивая содержимое. В толпе снова засмеялись, но тотчас и замолчали под тяжелым взглядом гиганта. Тот нарочито медленно выпрямился, стряхнул с живота приставший капустный лист и снова пошел на Афанасия, загоня его в угол.

¹ Ладанка – маленький мешочек, в который кладут ладан или амулет. Такому мешочку приписывали магическую силу, защищающую от зла. Обычно она носится на шее вместе с крестиком.

Русич качнулся в сторону, в другую, намереваясь проскочить на открытое пространство, пока гигант обретает равновесие. Но не тут-то было. Расставив лопатообразные руки, противник перегородил ими все пути отхода разом. Но оставил незащищенным тело. Собрав всю силу в одну горячую точку на выступающей костяшке пальца правой руки, Афанасий с маху воткнул его чуть выше объемистого пуза гиганта.

Того тряхнуло от головы до пят. Дыхание пресеклось. Рот распахнулся в тщетной попытке глотнуть воздуха, глаза выкатились, задергался кадык. Не дожидаясь, когда врага отпустит, Афанасий подпрыгнул и ударил сбоку в челюсть, сворачивая на сторону жирное лицо. Добавил ногой, жалея о проданных недавно кожаных сапожках с железными подковками на носу. Но гиганту хватило и ношеного лаптя. Всем немалым своим телом он стал заваливаться назад, подминая под себя не успевших прыснуть в стороны зрителей. Послышался грохот опрокидываемых скамеек.

Ошарашенный хозяин таверны, забыв о своих судебных обязанностях, бросился к нему. Помахал над лицом полой домотканой рубахи. Ухватив грязноватыми пальцами, раздвинул веки и посмотрел в закатившиеся под лоб, так что только белки поблескивали, глаза. Всплеснул руками. «Похоже, с этим громилой он был в доле, – устало подумал Афанасий, пошатываясь в круге, образованном примолкнувшими зрителями. – А ну как сейчас юлить начнет? Денег не захочет дать? А врежу тогда промеж глаз, да и будь что будет», – подумал он, прислушиваясь к бурчанию в давно не кормленном брюхе.

Хозяин осмотрел Афанасия с ног до головы, поежился и, взяв за запястье, поднял над импровизированной ареной его руку. Толпа взревела, приветствуя победителя.

Мужчина с повадками хорька скользнул за стоявший в отдалении стол. К нему тут же подсел неприметный, похожий на мышонка человек в шапке с меховой опушкой, глубоко надвинутой на лоб. Склонившись к уху, что-то зашептал, посверкивая глазами в сторону тяжело дышащего Афанасия, на полголовы возвышающегося над низкорослыми крестьянами.

Трактирские приступили к гиганту, бесцеремонно подхватили его под руки и оттащили в темный угол. Кривясь и охая, будто сильнее всех досталось ему, хозяин отсчитал Афанасию призовые монеты из пухлого кошелька.

– В шашки-шахматы сыграть не желаете? – угодливо прогнувшись в спине, спросил он. – Али в карты заморские перекинуться? На деньги али на желание? – хохотнул он и тут же осекся под суровым взглядом Афанасия.

– Благодарствую, – ответил тверской купец, натягивая через голову многожды чиненную рубаху из небеленого сукна. – Наигрался за сегодня. Ты мне лучше поешь чего сообрази. Да выпить, – сказал он, возвращая хозяину медный кругляшок.

Толпа разочаровано загудела.

– И тряпицу чистую, раны обмыть, – вслед хозяину бросил Афанасий. Он прошел за стол в углу, противоположном тому, где слуги продолжали обливать водой сокрушенного гиганта, и сел лицом к залу.

Толпа редела на глазах. Меньшинство, поставившее на Афанасия, рассаживалось за столы пропивать нежданный прибыток. Большинство, верившее в победу гиганта, понуро брело к выходу или подсаживалось к выигравшим, надеясь на дармовую выпивку. Кое-где загремели кости и захлопали по столу засаленные прямоугольники рискованных игровых карт. Раздались азартные выкрики игроков: «А вот я с червы зайду», «Накось козырей», «Цезарем получи²!»

² Считается, что каждая фигура в картах представляет определенного исторического персонажа: Юлий Цезарь – король бубен, царь Давид – король пик, Александр Македонский – король треф, Карл Великий – король червей и т. д.

Будто по мановению волшебной палочки, перед Афанасием появились блюдо со свиным окороком, миска с мочеными яблоками, полкраюхи хлеба на деревянной тарелке да жбанчик хмельного кваса с ледника.

Прижав к лицу влажную тряпицу, Афанасий свободной рукой извлек из-за голенища нож, срезал с окорока длинный кусок мяса и с наслаждением заработал челюстями. Порошок был слегка недосолен, но привкус собственной крови во рту с лихвой искупал огрехи местного повара. Отломил от краюхи тяжелый ржаной мякиш, пожевал. Запил квасом. Подцепил острием моченое яблочко, откинулся назад, перемалывая в кашицу сладковатую мякоть.

– Здравствуй, добрый человек, – раздалось над ухом Афанасия, потихоньку впадающего в сытую дремоту.

– И ты будь здоров, – ответил русич, стряхивая с себя оцепенение и без особой любезности оглядывая нежданного собеседника.

Серенький какой-то, в глубоко надвинутой на лоб шапке, скрывающей верхнюю часть лица. Невысокий, неширокий, незапоминающийся... Неприятный, но неопасный.

– Видал я, как ты дрался. Уважаю. Иманта-богатыря до тебя не мог победить ни один человек, – польстил Афанасию незнакомец.

– На всякую силу найдется другая сила, – философски ответил Афанасий и снова вгрызся в кусок мяса, давая понять, что разговор окончен.

Но нежданный собеседник, казалось, не заметил намека. Даже напротив, угнездив зад на скамье, потянулся к миске с яблочками. Афанасий выразительно покачал на ладони нож. Визитер сделал вид, что не заметил, но руку убрал, даже заложил за спину на всякий случай.

– А ты откуда путь держишь? – спросил он. – Куда?

– Из земель ливонских, – нехотя ответил Афанасий. – Домой, в Тверь, возвращаюсь.

– По торговым делам ездил али проведать кого?

– По торговым, – насупился Афанасий.

– Вижу, не задалась торговлишка-то? – Собеседник показал глазами на обноски на плечах купца-неудачника.

– Не задалась, – пробормотал Афанасий, пряча ноги под лавку, чтоб не увидел собеседник еще и драных лаптей. – Задалась ежели, разве стал бы я по кабакам деньги зашибать таким способом?

– Но получается-то ой как здорово. – Серенький кивнул в сторону все еще не пришедшего в себя гиганта и подмигнул. – А ты в дружине княжеской не служил часом?

– Не служил. Купцы мы, по торговым делам. Почитай сызмальства.

– А моща откуда такая? – удивился собеседник.

– Род наш от кузнецов ведется. Деда в кузне, прадеды в кузне, прапрадеды в кузне. А там, сам знаешь, какая силища в руках образовывается. Хороший кузнец подковы не то что руками, пальцами гнет. А лавку дед мой открыл, чтоб скобяным товаром из собственных рук торговать, от него отец перенял, следом за ним и я, – зачем-то разоткровенничался с незнакомцем Афанасий. – И силушка тоже по наследству перешла.

– Сила-то, оно понятно, но сноровку тоже где-то брать надо. В детстве кулачному бою, что ль, учили?

– Не учили, с мальчишками на Масленицу ходили стенка на стенку, да как все, в общем, – нехотя ответил купец.

– А вот когда...

– Слушай, добрый человек, – обозлился Афанасий, – не тяни из меня жил. Ступай, откуда пришел.

– Да я ж ничего, я ж с добром, – засуетился серенький. – С искренним интересом.

– Вот вместе с интересом и ступай. По-хорошему. Пока я тебе силой, притчей во языцех ставшей, не подмогнул. А?

Серенький хотел отшутиться, но под суровым взглядом Афанасия сник, поднялся с лавки и побрел в темный угол, за стол к черноглазому.

Купец проводил его подозрительным взглядом, но тут же забыл о нем, переключившись на окорок. Мало ли всяких лихих людей, мошенников³ и просто юродивых по свету шатается? Таких хлебом не корми, дай со знаменитым человеком пообщаться, чтобы потом всем рассказывать: дескать, я с самим победителем Иманта-богатыря разговаривал. Козырять начнет. Вон, уже, похоже, и начал.

Афанасий присмотрелся к столу, за которым серенький шептал что-то на ухо черноглазому. Небось докладывал подробности разговора. Надо бы с этими людьми поосторожнее. На обычных мошенников они мало похожи. Впрочем, мошенники, как правило, смахивают на добропорядочных... Мошенники, они... Афанасий почувствовал, что проваливается в сон. Встрепенулся. Вскинулся, как поплавок после поклевки.

Стараясь не светить оставшиеся деньги, пересчитал их под столешницей. Хватит только переночевать да утром с собой в дорогу краюху хлеба завернуть. Значит, в следующем трактире опять придется либо кулачным боем зарабатывать, либо играть в игры с местными картежниками да шашечниками. На работу бы честную наняться, мешки какие потаскать али бревна поворочать. Да сколько за нее получишь? Грош, два? Полушку медную? И кто на день-два возьмет пришлого человека? А вот если бы...

Купец снова почувствовал, что засыпает. Жестом подозвал трактирщика и велел ему прибрать со стола да организовать ночлег. Как и предполагал Афанасий, ушлый хозяин запросил с него как раз столько, сколько всего и осталось от призовых, но делать было нечего. Летом-то, конечно, можно заночевать и под кустом, но не сейчас. Днем еще довольно тепло, а ночью лужи схватываются хрустким ледком, а среди капель дождя попадаются острые снежинки. Земля промерзла. И не заметишь, как застудишь тибуху.

Отдав трактирщику прошенные деньги, Афанасий завалился на жесткую скамью, подложил под голову свернутый кафтан, убаюкал в руке рукоятку ножа и забылся тяжелой, без сновидений, дремой.

Медленно лавируя меж волжских мелей, струг⁴ подошел к тверскому причалу. Афанасий лихо соскочил на доски пристани, перекрестился на купола трехглавой Успенской церкви, прикрутил канат к специальному колышку и кинулся принимать трап. Установив его и притерев к доскам, чтоб не качался, взмахнул рукой – можно, мол. Сам взялся держать.

Дюжие молодцы покатали на причал бочки, понесли тюки и ящики. Следом спустился хозяин струга Дмитрий Иванович, смоленский купец, направляющийся по торговым делам из Вильно в Нижний Новгород.

С ним Афанасию несказанно повезло – в обозе с неведомой болезнью слегли несколько воинов, и подвернувшийся боец, о котором в литовских землях уже начали ходить легенды, оказался весьма кстати в тех разбойных местах. Правда, до Ржева сила Афанасиева пригодилась всего раз, а там уж вовсе без приключений загрузились на ожидавший их корабль и спустились к Твери.

– Что, Афонюшка, пойдешь? – ласково спросил хозяин, нависая над ним сытым животом, обтянутым синим атласом. В растворе собольей шубы поблескивала золотая цепь с

³ Мошенник (от древнерусского «мошна» – кошелек) – человек, норовящий завладеть чужим кошельком.

⁴ Струг (от «строгать») – русское плоскодонное парусно-гребное судно XI–XVIII вв. длиной от 20 до 45 м и шириной от 4 до 10 м, служившее для перевозки людей и грузов. Использовалось на реках и озерах. Оборудовалось съемной мачтой с небольшим прямым парусом, который ставился при попутном ветре.

полуаршинным, больше, чем у предстоятеля, крестом, осыпанным жемчугами и алмазами.

– Да, пойду. Дома сколько уж не был. Соскучился.

– Жаль, – покачал головой Дмитрий Иванович. – Очень жаль. Такого работника, как ты, где я еще сыщу?

– Да полно, Митрий Иваныч, захвалишь, – улыбнулся Афанасий. – А может, сам у нас, в Твери, останешься? Перезимуешь? Хоромы у отца знатные, нас не стеснишь. Людей по посадам расселим, к делу приспособим до весны. А то, вон, мухи белые уже летают, скоро Волга станет. Успеешь ли до Нижнего доплыть?

– На веслах пойдем, – отмахнулся купец. – Подналяжем. А тебе на вот за работу. – Он протянул полотняный мешочек, топорщащийся ребрами монет. На коротких, толстых пальцах сверкнули драгоценные камни.

Афанасий принял кошель, взвесил на ладони.

– Как договаривались, – улыбнулся смолянин. – Да вот еще рубль сверху. Не смущайся, бери, – подбодрил его хозяин, заметив смущение тверича. – Заработал.

– Ну, спасибо, – поклонился ему в ноги Афанасий. – На обратном пути заглядывай. Спроси Афанасия, сына Микитина. Меня тут каждая собака знает, а если какая и забыла, то вспомнит. Ну, и если случится чего...

– Хороший ты человек, Афонюшка, редко такие встречаются. – По щеке смоленского купца покатила крупная слеза. Он порывисто облапил Афанасия, кольнув в грудь острыми камешками с креста. Расцеловал троекратно, по православному обычаю, и пошел по трапу обратно на корабль.

Тверич помахал рукой ему вослед, закинул за плечо котомку с нажитым за путешествие, повернулся к берегу, украдкой утирая обслюнявленные сентиментальным Дмитрием Ивановичем щеки, и ступил на родную землю.

Узкая дорога вела от волжского причала вверх. Петля меж лабазов и таверн, она расширялась, постепенно превращаясь в улицу. Потянулись с двух сторон ремесленные посады.

Прислушиваясь к звону молотков из кузен и кудахтанью несущек, приняхиваясь к вони дубильных веществ из кожевен, к вкусному духу свежего хлеба, Афанасий улыбался. Городские предместья он всегда любил больше, чем запертые в высокие заборы улицы вблизи кремля, где только и услышишь, что злобный брех цепных псов. Однако путь его лежал именно туда.

И вот он увидел родные ворота. Крепкие, высокие, обитые листами бронзы с квадратными шляпками гвоздей. Только раньше она сияла, начищенная до самоварного блеска дворовыми слугами, а теперь была тусклой и покрытой зеленоватыми потеками. Да и сами ворота как-то покосились слегка, и забор, похоже, подгнил. И нависающие над дорогой ветви яблонь торчат враскоряку, хотя всегда были подстрижены и ухожены. Случилось что?

Афанасий прибавил ходу, скользя подошвами новых, не разношенных еще сапожек по деревянной мостовой. Учув чужого, собаки забрехали, будя сонную улицу. Им вторили встревоженные куры, козы и коровы, а откуда-то издалека басовито заревел бык.

Купец подбежал к воротам, схватился за массивное кольцо и забарабанил со всей мочи. Ответа не было. Он забарабанил сильнее. Звякнув щеколдой, открылось в воротах маленькое окошко, и из него выглянул мутный старческий глаз в подозрительном прищуре.

– Кого принесло? – осведомился скрипучий голос.

– Я это, Сергей, открывай, – улыбнулся Афанасий привратнику.

Окошко захлопнулось перед носом купца. Загрохотали засовы, зазвенели цепи, и наконец одна тяжелая створка поползла в сторону.

– Батюшка, прости, не признал, – бухнулся на колени Сергей.

– Да что ты, старый? Сдурел? Вставай, ну-ка, – подхватил его под мышки Афанасий. – Простудишься еще.

Путешествуя с товаром по Ливонии, Литве и Польше, он отвык от чистоты и искренности нравов на Руси, где пили, поминали, дрались и любили от души, с потрясающей широтой и наивностью.

– Спасибо, батюшка, – прошамкал беззубым ртом старик. – Пойду матушке доложу. – Он развернулся и посеменил на негнущихся ногах к большому дому в глубине яблоневого сада.

Матушке? Слова привратника кольнули сердце Афанасия неясной тревогой. Ноги будто приросли к земле. Рот наполнился тягучей, железистого вкуса слюной. Он только сейчас обратил внимание на признаки запустения и разрухи в облике отчего дома.

Над трубой кузнечного горна, что дед поставил во дворе за колодцем, чтоб далеко до работы не ходить, не вился привычный дымок. И звенящих голосов детей слышно не было. А ведь раньше дворовые пострелята вечно крутились около кузни в надежде стащить гвоздь или поймать на кожу расплавленную капельку железа (что считалось высшей доблестью). Даже кур, дотоле вольготно разгуливавших по двору и норотивших подвернуться под ноги, тоже видно не было. Известка, которой был оштукатурен первый, каменный этаж дома, прежде всегда белая, посерела. Колодезный журавль покосился, а ведро на кончике его клюва почернело и раскачивалось на ветру с висельным скрипом.

Из дома появилась мать. В черном. Сбежала с крыльца, порывисто обняла сына. Уткнулась лбом в его литое плечо. Всклипнула.

– Мама, мама... – погладил ее по покрытой черным платком голове Афанасий, не зная, что еще сказать.

– Сынок, – только и смогла ответить она. Чувствовалось, еще слово – и разрыдается.

– Мама...

– Сынок...

Следом выбежали сестры: младшая Катерина, стройная, большеглазая, с русой косой в руку толщиной, чисто невеста уже. И старшая, Варвара, девка в соку, а то, пожалуй, и перезревшая слегка. Кинулись к Афанасию, обняли с двух сторон. Заревели в голос.

Из дома вышел и Сергей, покачал кудлатой головой, вздохнул и захромал к своей будке, ровно старый пес.

Вскоре, умытый и расчесанный, Афанасий уже сидел в горнице под образами. Босые ноги его приятно охладили скобленные доски пола. Чистая рубаха казалась мягче пуховых перин. Верхний край портов он завязал узлом, чтоб не сваливались, очень уж схуднул за время последнего путешествия. Размазывая по тарелке жидкие, без мяса, щи, ковыряясь ложкой в чугушке с рассыпчатой кашей, слушал он печальную историю семьи.

– ...На Петров день отец совсем темен ликом стал да и слег, – рассказывала мать. – Так и лежал тут вот, на лавке. Не стонал, не богохульствовал, не звал меня каждую минуту, как иные мужики делают в хвори, но по глазам я видела: тяжело ему. – Она промокнула глаза краем платочка. – А как же кузня-то без кузнеца да лавка без хозяина? Было б что полегче, так мы б справились посемейному, а молот-то кто поднимет, когда бабы одни?

Сидевшие в дальнем углу, крепко прижавшись друг к другу, сестры разом всклипнули.

– Наняли бы кого, – пробормотал Афанасий. – Из подмастерьев али со стороны.

– Пробовали. Да у хороших кузнецов свое дело в руках. Не до того. А те, кого нанять можно... – мать махнула рукой и вздохнула. – Нет, приходили несколько раз, вставляли к наковальне, да Микитушка еще в силе был – погнал их со двора, чтоб железо не поганили.

– А лечили-то его чем?

– Ой лечили, ой лечили, – запричитала мать. – Чем только не лечили! И ворожей звали с травками да заклинаниями, и батюшку из церкви, уж он кадил по углам, святой водой кропил

на четыре стороны, аж сам употел. Не помогло. А Федька, сын Двинятин, колдуна приволок с севера откуда-то, из-за Новгородских земель. Шаманом кличут. Маленький, узкоглазый, вонючий, словно всю жизнь не мылся. Он тут в бубен стучал, пел горлом так: ы-ы-ы-и... – показала мать. – Прыгал по горнице, травы какие-то жег в мисках глиняных, потом насили проветрили. Отослал его Микитушка, сказал, чтоб больше некрещеных сюда не водили. Но и тому шаману ведь заплатить надобно. Тогда денег еще много было, это потом как-то все на нет сошло без кормильца. Пришлось сначала коровку продать, потом овечек все стадо. Кабанчика сами зарезали на Пасху, хоть встретить по-людски, отвлечься от черных мыслей.

– А что ж люд православный?

– За люд худого слова сказать не могу, – ответила мать. – Все долги отдали сразу, даже Феофан Косой, что скарედностью известен. Как про болезнь Микитушкину узнал, принес в платочке десять алтын, что с Покрова должен был. И другие приходили, сначала отдавали, потом уж и одаривали без долга. Когда совсем туго стало, начали еду приносить – и готовую, и так. Митька-охотник – утку битую, Фома-возчик, которому батюшка твой все время телегу в долг чинил, – зерна полмешка. Да сколько ж можно-то? У всех семьи, дети, хозяйство... Думала я грешным делом, может, выдать Варвару за молодца какого, девка созрела уже, да как выдашь без приданого-то? За кого? За босяка такого же, чтоб он тут у нас еще поселился?

– А отец-то что? – прервал ее Афанасий.

– Так помер наш Микитушка. Схоронили на монастырском кладбище. Гроб в долг заказали, певчих, девок на плач. Все как у людей, не сумлевайся. А надысь, вот, сорок дней справили. Он-то все говорил, дожить до Рождества должен. Сына хотел увидеть, тебя, стало быть. Посмотреть, каков стал. А вишь оно как... Не успел. – Мать снова промокнула уголок глаза платочком.

Афанасий уронил голову на руки. Он старался не думать о худом кошеле, принесенном из заграничной поездки. Как он скажет матери, что не заработал почти ничего? Сестрам, которым теперь и приданого-то не собрать? Эх...

А мать о деньгах и не спрашивала. Только смотрела укоризненно. Понимала, что, если сын вернулся из странствий с одной котомочкой за плечами да выгодами своими не хвастается, не задалась торговлишка, значит.

Наконец она решила прервать затянувшееся молчание и задать тревожащий ее вопрос:

– Что, Афонюшка, останешься с нами или опять в чужие земли торговать пойдешь?

Он знал, что мать про то спросит. И боялся. И не ведал, что ответить. С детства внушали ему, что, если что-то непонятно, лучше поговорить, обсудить. Но жизнь научила другому. Согласие или отказ – это точка. Конечная. Окончательная. Бесповоротная. Скажет он сейчас «да», обнадежит, и придется ему всю оставшуюся жизнь в Твери мыкаться. Скажет «нет», и зарыдает мать, бросится на шею, примется уговаривать, совестить, честить. А если промолчать, то кривая, может, как-то сама и вывезет.

– Делать-то тут что? – попробовал отвертеться он от прямого ответа. – По одной скобе в день продавать? Большой корысти на том не сделаешь.

– И здесь тоже люди живут, работают, торгуют, – наседкой всколыхнулась мать. – И хозяйство содержат, и детушек растят. Не всем же по миру шляться. Иные и дальше чем на пять верст от города не отходили, и ничего.

– Тоска же, – протянул Афанасий, не поднимая головы.

– Невесело бывает, да. Но зато опаски никакой. Кормлен, одет, обут, обстиран. А если еще и женишься хорошо, на девице красивой да работающей, детишек заведешь, вообще не до тоски будет. Некогда будет тосковать-то. И мне уж с внуками нянчиться пора, а то соседки вон судачат, что непутевый ты и от ответственности бегаешь.

– Да в гробу я твоих соседок...

– Не говори так, Афоня. – Мать истоиво перекрестила ему рот. – Людей слушать надо, люди плохого не скажут.

Спорить было бесполезно. Да и в глубине души Афанасий понимал, что права мать. Пора уже остепениться. А что сердце в дорогу зовет, так это даже не любовь – позовет и умолкнет.

Афанасий поднялся из-за стола, перекрестился на образа, поклонился матери. Сунул в сенях ноги в валенки, накинул на плечи тулуп и спустился во двор. Постоял, оглядывая порушенное хозяйство, и направился в кузню. Со скрипом отворил щелястую дверь, вошел.

На его памяти отцовская кузня всегда была самым жарким местом. Настолько, что зимой даже окон не закрывали. В ней всегда полыхал огонь, шипело, раскаляясь, железо, сыпались дождем алые искры. Разгоряченные мужики наполняли воздух человеческим теплом. И теперь пронизывающий ее холод казался каким-то могильным.

Он поднял с земляного пола несколько чурок и бросил их в кузнечный горн. Взяв трут и кресало, высек искру, запустил по растопке веселый огонек. Положил на специальную полочку старую подкову и долго смотрел, как нагревается она, малиновея одним рогом. Постепенно в продуваемой насквозь хибарке стало тепло, а потом даже и жарко. Афанасий сбросил с плеч тулуп и повесил его на специальный колышек у двери, подальше от полыхающего горна. Стянул через голову рубаху, зажал подкову щипцами и перенес на наковальню.

Дни тянулись однообразно. Вечером дотемна работа в кузне. Правка кос, отковка скоб и гвоздей. Утром засветло лавка. Нудное сидение в деревянной клетушке, открытой одной стороной всем ветрам. Со всех сторон острое железо, сидишь, словно в пыточной машине, прозванной «железная дева»⁵.

Афанасий уже так привык, что не замечал, как отвешивает гвозди, как отдает выправленные косы и точеные ножи, как записывает на обрывке бересты размеры и пожелания очередного горожанина, скорбного по кузнечному делу. Пред его мысленным взором расстились просторы степей, перекаты рек, высокие стены крепостей, купола соборов, утыкающих кресты в синее небо. Пыльные дороги...

Внезапно смутное волнение охватило Афанасия, по обыкновению предававшегося в своей лавке грезам о далеких путешествиях. Он выпростался из тяжелого, в два слоя тулупа и привстал со стульчика, вглядываясь в узкий проход скобяного ряда. Торговлишка по случаю крещенских морозов была вялая, народ сидел по домам у печек, оттого и видно было далече. И там, вдалеке, – серый человек в глубоко надвинутой на глаза шапке с меховой опушкой.

Стоял он около лавки оружейника Петра, сына Кузьмина, и делал вид, что выбирает нож. Приценивался, взвешивал на пальце баланс, поднося к лицу, разглядывал заточку, придирчиво осматривал резьбу или оплетку на рукояти. А сам нет-нет да и бросал взгляд в сторону лавки Афанасия. Такие же взгляды кидал он на купца в той литовской таверне, когда пересказывал востроносому черноглазому незнакомцу их разговор.

Чутье, выработавшееся за годы опасной – то разбойники, то мошенники, то местный князь на деньгу лапу наложить норовит – купеческой жизни, почти никогда Афанасия не подводило. И он привык верить даже тихому его шепоту, сейчас же оно просто кричало: беда! И еще какое-то другое, радостное чувство распирало грудь, суля избавление от скучной и унылой жизни.

⁵ «Железная дева» – орудие смертной казни или пыток в Средние века – железный шкаф в виде женщины в костюме горожанки. Поставив туда осужденного, шкаф закрывали. Гвозди, которыми была усажена внутренняя поверхность «девы», вонзались в тело, и осужденный умирал долго и мучительно.

Приученный думать и действовать быстро, Афанасий сбросил тулуп, одернул подбитый мехом кафтан. Нарочито медленно, чтоб ненароком не спугнуть соглядатая, вылез из-под прилавка. Огляделся, будто высматривал разносчика пирожков или горячего сбитня, и, сокрушенно вздохнув напоказ: мол, не видать ни того ни другого, закрыл оконце деревянным щитом. Подмигнул соседу-оружейнику: присмотри, мол, и, млея от сладкого предчувствия, свернул в боковой проход, к сытным рядам. Он не оглядывался, поскольку был уверен, что соглядатай двинется за ним.

Афанасий шел вдоль сытных рядов, мимо лавок с тушами коров и баранов, мимо лабазов, где мешками и на вес продавались крупы, мимо палаток со сладостями, коими торговали восточные люди, добрался до закутка, в который наезжали по осени московские, ростовские, козельские и рязанские пасечники со своими медами. Сейчас был не сезон, и эта часть рынка пустовала. Зайдя за угол одной из лавок, отступил в тень и потянул из кожаных ножен кинжал, длиной и весом более походивший на меч.

Соглядатай не заставил себя ждать. Запыхавшийся от бега, он с разлету выскочил на середину закутка и замер, озираясь. Прежде чем его глазки нащупали затаившегося Афанасия, тот шагнул вперед и, ухватив соглядатая за шкуру, легко оторвал от земли его худое тело.

– Ну, здравствуй, мил человек. За какой надобностью опять мной интересуешься? – спросил он, поднося к горлу соглядатая опасно поблескивающее острие.

– Я это... Не хотел я, – забормотал тот, обдавая Афанасия запахом гнилых зубов и ерзя внутри полушубка.

– Да не бормочи, как пономарь, обстоятельно сказывай, кто ты и откуда? Чего не хотел? Кто следить за мной наказал? Али убить? – Для острастки Афанасий тряхнул пленника так, что у того щелкнула челюсть.

– Это я... Не хотел, – опять забормотал тот. – Послали меня.

– Кто послал? – сурово спросил Афанасий.

– Это... Человек послал. Важный.

– Ведаю, что человек, а не зверь лесной. Кто?!

– Ну, это...

– Что «ну это»?! – озлился купец и замахнулся литым наверху кинжала.

Как только острие ушло от горла, соглядатай вскинул руки, ящерицей выскользнул из полушубка и бросился наутек. Отбросив пустую одежду и чертыхаясь на всех известных ему языках, а знал он их немало, Афанасий пустился в погоню.

Соглядатай бежал споро, высоко вскидывая колени и широко отмахивая руками. В узких проходах он чувствовал себя как рыба в воде. Могучему купцу приходилось хуже. Не удержавшись на натертой подошвами наледи, он врезался плечом в лавку, чуть не раскатав по бревнышку хлипкое строение. Перевернул корзину, просыпав на дорогу серебряный дождь живой рыбы. Набил себе шишку на лбу, не успев пригнуться в низких воротах, отделяющих одни ряды от других.

Соглядатая мало кто замечал, а вот от детины с аршинным ножичком в руке мужики сторонились, бабы при виде его взвизгивали, хотя больше для порядка. Собаки, поджав хвосты, спешили убраться с дороги.

Беглец свернул на площадь, где несколько артистов отдыхали после обычного ярмарочного представления. Кукольник, певец и еще какие то скоморохи, кутаясь в зипуны, согревались горячим сбитнем из деревянных кружек. Медвежий поводчик в костюме козы, сняв маску, дремал, прислонившись к боку своего ведомого. Косолапый, дрыхнувший с устатку прямо на снегу, относился к такой вольности совершенно безразлично. Представление закончилось, и людей вокруг почти не было. Но не было и соглядатая.

«Потерял!» – обожгла Афанасия нерадостная мысль. Да как же это можно? Девять-десять отсюда некуда. Только вниз, к Волге, но там особо не спрячешься. Река стала, все на многие версты просматривается. Либо вверх, к княжьим покоям, но там-то соглядатаю что делать? Там опасно. Князья московские, вражда с коими то разгорается, то затихает последние лет сто, не раз к князьям тверским лазутчиков, а то и душегубцев засылали. Стража там бдит, чужого за версту заметит. Хотя он ведь к кремлю может и не подходить, а свернуть и укрыться в доме какого-нибудь подмастерья. А может, и знатного кого. В последнее время столько в городе всяких интриг и противоборств среди знатных, что сам черт ногу сломит разбираться, кто чего хочет, против кого дружит и кто за кого стоит.

А соглядатай тут, может, и вообще ни при чем. Кто-то решил его втемную разыграть, как пешку. Мало ли бояр в княжестве, что в Литве или в Польском да Венгерском королевствах интересы имеют! Только вот как определить, чей это человек и как узнать, чего он хотел от Афанасия.

Заметив, что окружающие смотрят на него странно, и поняв, что все еще сжимает в руках кинжал, Афанасий сунул его обратно в ножны.

Вернуться в лавку несолоно хлебавши? Разум подсказывал, что так и следует поступить, но рвущееся из груди сердце толкало на приключения.

А может, вернуться в закуток да обыскать полушубок? Вдруг там что интересное за подкладкой окажется? Да нет, вряд ли, ответил он сам себе, да и присвоил его уже, наверное, ушлый люд, не сыщешь. Все-таки придется идти к покоям, стражу порасспросить. Им сверху видно многое.

Афанасий свернул на дорогу, ведущую к нижним воротам кремля. Через окружающие рынок лабазы и склады попал в Затьмацкий посад, славный татарским гостиним двором, ныне опустевшим – все торговцы еще до первых морозов отъехали в теплые края. Вышел к домам средней руки горожан, с высокими заборами и крепкими воротами. Миновал земляной вал, сторожа там попрятались по случаю мороза в свои будки и носу не казали. Углубился в лабиринт улиц, застроенных хоромами знатных жителей, бояр, дворян и богатеев из земских, – настоящие крепости, обнесенные глинобитными, а где и каменными стенами, с бойницами и башенками по углам и над массивными воротами, способными выдержать удар доброго тарана. Ордынцы не раз хаживали на Тверь, справедливо считая ее сердцем земли русской, сжигали постройки вокруг кремля. А вот ров выкопать и насыпать вал от Волги до реки Тьмаки пришлось для защиты от князей московских. Тверичи до сих пор гордились, что сам Дмитрий Иванович, тогда еще не победивший темника Мамай, приступал к городу, да взять не смог.

Почти на каждой стене маячил дозорный, но спрашивать у них что-то было бесполезно. Обуреваемые гордостью сторожевых псов, они скорее бы облаяли Афанасия, чем помогли добрым словом. Лучше уж к городским стражникам. Нет, не к дружинникам князя – те еще хуже, а к тем, что рангом пониже. Многие наняты из земских, они не то чтоб совсем добрые и отзывчивые, но все же милее, чем вольнонаемные керберы.

Попутно купец внимательно смотрел под ноги. И не для того только, чтоб не вляпаться ненароком в кучи конского навоза, во множестве оставленные посередине дороги. Он отыскивал следы. Дорога была сильно утоптана, но за утро снег присыпал ее легким пушком, на котором могло что-то отпечататься.

Временами ему казалось, что он видит следы маленькой ноги соглядатая. Порой думалось, что их оставил кто-то другой или они ему вовсе мерещатся в путанице разных следов. В отличие от чинных Кенигсберга и Риги, по Твери горожане ходили через улицы вкривь и вкось, как душа пожелает.

А вот не эти ли? Похожи. Он припомнил форму подошв, отпечатавшихся на чистом снегу в закутке рынка. Точно – они. Афанасий прибавил ходу, еще ниже опустил голову,

как взявшая след гончая, и пошел, расталкивая плечами встречных, надумавших заступить ему дорогу. На мгновение ему показалось, что цепочка следов уходит в боковую улочку. Он метнулся туда, покрутился на месте, ругнулся, поняв, что ошибся, и вернулся назад. Снова отыскивал смазанную цепочку следов. Замахнулся кулаком на ошарашенного возницу, вознамерившегося окончательно затереть их полозьями своих саней, и порысил дальше.

– Стой, куда прешь? – прогремело над ухом.

Афанасий остановился и поднял глаза. Перед ним стоял детина в длинном, до земли, зипуне, островерхом шлеме с войлочным подбоем и с бердышом в руках.

– По делу, – попытался обойти его Афанасий. У стен кремля, где народу было поменьше, следы отчетливо читались на свежем снегу. И вели они прямо в ворота кремля.

– Не велено! – заступил ему дорогу стражник.

– Что не велено? Кем не велено? – удивился купец.

– Пускать никого не велено!

– Куда пускать? – переспросил Афанасий, холодея от нехорошего предчувствия.

– За во-ро-та, – по складам, как несмышленому дитяте, разъяснил стражник.

– Так всегда ж можно было!

– Всегда можно, а теперь вот нельзя. Указ вышел намедни. Давай, ступай отсюда, нечего тут высматривать. – Стражник шагнул в сторону и закрыл грузным телом створ ворот, в которые пытался заглянуть Афанасий.

Заслышав голоса, из караулки появились еще двое стражников в таких же длинных зипунах. Оба одинаково плечистые, румяные и наглые. Подошли, встали поодаль, всем своим видом давая понять, что ежели чего, то вмешаются незамедлительно. В надвратной башне загремели тяжелые ворота, и махина моста поползла вверх, стряхивая комья наметенного снега и уничтожая следы. Ловить тут было больше нечего.

Скоре удивленный, чем раздосадованный, Афанасий развернулся под пристальными взглядами стражников и побрел вниз по улице.

Вот, значит, как? Княжий это был человек. Самого Михаила Борисовича⁶ или кого-то из его приближенных. Перед взором Афанасия встало узкое лицо незнакомца, с которым беседовал в трактире соглядатай. Иначе зачем бы страже отсекать ему путь к преследованию, а тем более закрывать ворота, кои и на ночь-то только в последнее время притворять стали? Ну, тогда и концы в воду. Если про боярина можно чего узнать али в гости к нему с поклоном наведаться, то с князем такие номера не пройдут. Скорее голова на рожне окажется. Эх...

Задумчиво почесывая вспотевший под шапкой лоб, Афанасий брел обратно к своей лавке.

⁶ Михаил Борисович (1453–1505) – последний Великий князь Тверской (1461–1485), шурина Ивана III по первой жене.

Глава вторая

Наступила весна. Солнышко прогрело землю. Вылезли на прогалинах подснежники. На Волге начался ледоход. Огромные льдины напозлали друг на друга, ломаясь с треском. Черные промоины и разломы открывались и схлопывались в самых неожиданных местах. С последними льдинами купцы спустили на воду наново смоленные струги. Городская пристань заиграла разноцветными парусами. Настил заколыхался от тяжелой поступи грузчиков. Гомон и крики огласили тихую по зиме гавань.

Афанасий наблюдал это великолепие через распахнутое по случаю теплой погоды окно. В лавке теперь сидел нанятый торговец, бойкий отрок, работающий больше за науку, чем за жалование. В кузне грохотал молотом ретивый подмастерье, накопивший много сил на домашней сметане и потихоньку наживающий ума и опыта. Мать сняла траур и щеголяла по дому в новомодных кашмирских шалях. Сестры ежедневно перебирали купленные им обновки. Крутились перед венецианским зеркалом, отталкивая друг друга крутыми боками. На домашних харчах изрядно раздобрел и Афанасий. Сытое брюхо выпирало из-под кафтана, щеки округлились. Руки, прежде бугристые, стали гладкими и напоминали теперь два ствола, оканчивающихся короткими толстыми ветками пальцев. Дополнительную толщину придавали им перстни с самоцветными камнями, которые купец не снимал и дома. Как-то сами собой отросли у него окладистая борода ниже груди и длинные вьющиеся кудри, прикрывавшие складку на загривке. В походке и движениях появилась медлительная солидность.

Афанасий неторопливо потянулся к миске и выловил пальцами варенный в меду огурец. Откусил половину, пожевал, вяло работая челюстями. Потянулся за вторым, но до рта не донес, задумался о чем-то. Бросил прямо на пол – слуги, коих расплодилось в доме немало, все равно подберут.

Он сам себе удивлялся. Раньше при виде паруса его охватывала радостная дрожь, теперь лишь легкое сожаление... О чем? Он и сам не знал. Только бродили по закоулкам памяти воспоминания о запахе дегтя и свежей стружки, скрипе канатов и хлопанье паруса на крепком ветру. О трудовом мужицком поте, стекающем по спине, натруженной двухпудовыми мешками.

Плавное течение его дум прервал грохот. Кто-то с той стороны ворот остервенело колотил бронзовым кольцом по специально прикрученной для того пластине. Привратник Сергей на негнущихся старческих ногах проковылял к воротам и открыл смотровое окошечко. Вопросил кто. С той стороны вознесся птицей радостный, звенящий голос, до боли знакомый.

Тотчас створка ворот отлетела в сторону и во двор ураганом ворвался человек. Длинный, худой, загорелый как черт. С бородкой клинышком, какую носят в землях гишпанских да португальских. При короткой сабле. В узком польском кафтане, расшитых турецких шароварах, заправленных в короткие сафьяновые сапожки без всяких следов грязи. Видно, что не пешком шел, а на саях али телеге подъехал.

Мишка?! Друг босоногого детства и удивительного таланта купец. Путешествующий далеко и часто в любое время года, он никогда не брал с собой много товара. Все ерунду какую-то. Канаты пеньковые, воск свечной, ткани пару отрезков, чуть не дрова березовые. Но продавал их с такой выгодой, что все диву давались. Мишка всегда возвращался в дорогах заграничных платьях, с полными золотом кошельками и сумами, набитыми всякими диковинами, которые сбывал кому-то за огромные деньги и становился еще богаче. Многие, в том числе и Афанасий, пытались набиться к нему в товарищи, да не принимал он никого.

Один ходил. И разбойников не боялся. Все это пронеслось в голове купца, пока каблук модных сапожек стучали по лестнице.

Дверь распахнулась, и Мишка стремительно шагнул в горницу, с порога облапил едва успевшего подняться с лавки Афанасия. Отстранился, внимательно посмотрел на друга.

– Экий ты, Афоня, какой стал, – ляпнул он вместо приветствия. – В три объёма.

– Да это... Здравствуй, – промямлил все еще ошарашенный Афанасий, потирая живот. – Отобедать не желаешь? Подадут скоро.

– А мы с тобой года полтора уж, почитай, не видались? – продолжал, не слушая его, Михаил.

– Да, почитай, два с половиной. Ты на торг, я на торг, – проговорил Афанасий.

– Ну ничего, теперь вот вернулся, свиделись, – хлопнул Михаил Афанасия по округлому плечу.

– Так отобедать-то не желаешь?

– Отчего ж не желать – желаю, – захохотал Мишка. – Глядишь, и мне на пользу будет. – Он похлопал Афанасия по отросшему животу. – А то отошал в дороге.

– Где бывал-то, из дальних ли краев путь держишь? – вежливо поинтересовался Афанасий.

– Ой, Афоня, и не спрашивай. Где только не побывал, чего только не повидал. И на Туретчине был, и у мавров, и у гишпанцев с италийцами, и у хранцузов, и у германцев, все земли, почитай, прошел. Там такое творится! Специальные места придумали, где не как на рынке живым товаром обмениваются да за деньги, а бумагами ценными⁷.

– Это как?

– Вот приходишь ты на рынок, а там тюки шерсти. Штук двадцать. Ты их купи и волоки домой, как хошь. Напрягайся. А в место особое приходишь – там никакого товара нет, у людей бумажки только на руках, расписки называются, на которых помечено: «тюки шерсти, два десятка». Они стоят денег. Ты такую покупаешь и домой идешь, а потом тебе привозят. Или на другую такую сменять можешь, где написано: «шкурки соболей, пять штук».

– Что ж за ерунда такая? Бумажка. Кто ей поверит? Да и подделать можно.

– Да вовсе не ерунда. Просто так бумажку ты не подделаешь, придумали умные люди, как защититься, а выгода может быть немалая.

– Как так, не пойму, – удивился Афанасий. – На растопку зимой те расписки пустить?

– Голова садовая, – улыбнулся Михаил. – Вот прикидывай, пока ты домой ходил, шерсть та в цене упасть могла, а соболя подорожать. И на те пять соболей ты шерсти уже два десятка да еще два приобрести можешь. Или вот, например, расписками этими если заведешь, можно свой процент со сделки брать.

– Так хорошо, когда у тебя соболя, кои в цене растут, а если шерсть, что падает?

– Значит, ты в минусе, но это пока. Волнами там все, одно дорожает, другое дешевет. На этом изрядные деньги делать можно. Буквально из воздуха. – Глаза Михаила загорелись алчным огнем. – Много там еще можно.

– Не, ерунда какая-то, – заупрямился Афанасий, – а не честный торг. А что тебя понесло-то туда?

– Да торговлишка, будь она неладна. Там купил, тут продал – долго и муторно, а там быстро деньги делаются, и ходить никуда не надо, сиди себе – квас попивай.

– Да уж, обленился народ, – пробормотал Афанасий без особого задора. Ему снова вспомнился свежий ветер, гудящий в снастях. Хлопанье паруса, протяжные песни гребцов на веслах и непередаваемый запах других стран. Плечи его поникли. – Давай присядем ужо, в ногах правды нет. Да и разговаривать стоя несподручно.

⁷ Название «биржа» стали официально использовать только с 30-х гг. XIV в.

– Афоня, ты чего это закручинился? – спросил Мишка, поставив в углу сабельку и устраиваясь на лавке подле стола, на который расторопные девки уже несли жаркое и каши в горшках, соленья в мисках, питье в жбанах и хлеба на полотенцах.

– Да так, – отмахнулся Афанасий, втискивая грузное тело в хозяйский угол под образами.

– Чего-то, смотрю, затосковал ты в своей лавке. Закис.

– Есть немного. Когда из Ливонии вернулся в последний раз, тяжело было. Отец помер, хозяйство в разорении. Мать плачет, сестры не пристроены. Пришлось спину поломать и в кузне, и в лавке, от темна до темна. А потом настроилось все, само пошло. Люди подобрались, за коими пригляд особый не нужен. Знай себе лежи на печи да в потолок плюй.

– Хорошо дела, значит, идут? – спросил Мишка, прикладываясь к кружке с хмельным медом, которая будто сама собой появилась у его локтя.

– Не жалуюсь. До Петрова дня думаю забор переделать, а к Спасу яблочному, наверное, домом займусь, чтоб до снега успеть, а то покосился что-то. Поднять надо да бревна иные заменить. Подгнили. Ну, и крышу подлатать к зиме, как без этого?

– Весь в делах, заботах. Не узнаю былого Афоню – странника и балагура, – покачал головой Михаил.

– Да, другим стал Афоня. – Афанасий с хрустом разгрыз куриный хрящ. – Ответственность на мне, семья. За них беспокоиться должен, а не с котомкой босяцкой по миру колесить.

– Зачем с котомкой-то? Вон, на меня посмотри, разве ж я на босяка похож? – удивился Михаил.

– Ну, ты... – протянул Афанасий. – Ты всегда другим был. Не таким, как прочие купцы. Говорят, секрет у тебя есть.

– Правда, есть у меня секрет, – хитро глянул на Афанасия Мишка, прилебявая хмельной мед. – Да только не заклинание какое или амулет. Ты про меня глупостей не думай. Христианин я, с колдунами да ведьмами не знаюсь. – Он нарочито размашисто перекрестился.

– Да пусть хоть и не глупости, не поделишься же все равно, – сказал Афанасий, а сам мимо воли подался вперед, смутно на что-то надеясь.

– Да зачем тебе? Ты вон осесть решил. Хозяином заделался домовитым.

– И то верно, – выдохнул Афанасий и откинулся назад.

– Хотя... – задумчиво протянул Мишка.

– Что хотя? – встрепенулся Афанасий.

– Да понимаешь, есть дело одно, но, боюсь, не справлюсь я с ним в одиночестве.

– Велика новость, – ухмыльнулся Афанасий, отправляя в рот щепоть квашеной капусты. – Сам Михаил сын Петров себе товарища в дорогу начал подыскивать. Свет белый перевернулся. С чего бы так?

– Не то чтоб перевернулся, но изменилось многое, – помотал головой изрядно захмелевший Михаил.

– Так ты что ж, меня с собой зовешь? Правильно я понимаю?

– Не пушу! – раздалось от двери. Мать влетела в горницу и загородила собой дверь. Подслушивала, значит. – Не пушу!

– Да полно, мама, мы ж просто так... – начал Афанасий. – Беседуем...

– Не пушу! – повторила она. – Девки, сюда идите, просите брата.

Сестры, как будто ждали в сенях, вбежали и бухнулись на колени. Зарыдали на два голоса, молитвенно протягивая руки.

– А ты, Михаил, уходи, нечего его смущать. Только покой обрел человек, – продолжала мать грозно.

– Э... Да я...

– Замолчи, постылый, вон из дома!

Михаил поднялся на нетвердые ноги, пошарил глазами по горнице, припоминая, где оставил саблю. Афанасий тоже встал, с проворством, давно забытым его грузным телом.

– Погоди, Михаил, сядь. А вы замолчите, дуры! – рявкнул он так, что испуганные сестры вмиг умолкли. – И вообще, прочь отседа, не видите, мужчины разговаривают.

Сестры опрометью кинулись вон. Мать постояла еще, сверля Михаила ненавидящим взглядом, потом тоже развернулась и ушла, гордо подняв голову. Дверь за ними закрылась.

– Озверели бабы, – перевел дух Афанасий. – Совсем потеряли стыд. А вот теперь и поговорить можно, – уселся он обратно, весьма довольный собой. – Так что за дело-то?

– Дело, оно как бы и не одно, из нескольких состоит.

– Выкладывай уж, не томи.

– Слышал ты, небось, что из Москвы в Ширван⁸ возвращается посол, сиятельный Аслан-бек с большим караваном.

– Говорят на базаре. И что?

– А то, что холодает в тех землях, шкура зверя убитого по цене идет немалой. Если тут товар взять да по Волге до моря Дербентского⁹ спуститься, многих денег выручить можно. Тогда ты к Покрову дню не то что старый латать – новый дом возводить начать сможешь.

– И что, никто про это не догадывается? Никто с караваном не идет?

– Многие купцы догадываются – и московские, и ростовские, и ржевские, и ярославские. Да не многие знают, когда Аслан-бек в путь тронется. А без каравана большого трудно по Волге пройти, разбойники в низовьях страх потеряли совсем. Не то что на суда одинокие, на флотилии нападают. Потому и мягкая рухлядь¹⁰ в цене растет.

– А ты, что ль, знаешь день отправления?

– Знаю. На днях, почитай, потому быстро надо струг ладить, затаривать по самые борта да в Нижний гнать, встречать там посольский караван.

Афанасий опять повесил кудлатую голову.

– Да что с тобой, Афоня? – увидел его печаль Михаил. – Что за кручина?

– Чтоб струг ладить да товаром наполнять, денег нужно немало, а у меня их нет.

– Так в долг можно взять, я похлопочу, выделят тебе денег без процентов, а как вернешься, так сразу и отдашь.

– А что я в залог оставлю?

– Так лавка у тебя есть. Она не то чтоб золотые горы сулит, но твердый доход, кой просчитать можно вперед, обеспечит. Под такой залог многие одолжить согласятся. И я бы дал, да поиздержался дорогами, сам на бобах. За счет поездки той тоже рассчитываю дела свои поправить.

– То есть в доле будем?

– Как есть в доле. – Михаил широко перекрестился, как бы подтверждая эти слова.

– Хм, заманчиво. – Глаза Афанасия загорелись алчным блеском. – Только вот зачем я тебе понадобился? Ты ж такое пустяковое дело можешь и без меня провернуть. И денег тебе, небось, быстрее дадут, чем мне. И больше.

– Да видишь ли... – Михаил замялся, не зная, с чего начать.

Афанасий заметил, что мягкость языка и пошатывание – напускные, и его приятель абсолютно тверез.

– Подозревать меня начали разные люди, что не совсем я купец. Один езжу, товара с собой мало вожу. Не похож. А ежели большой ватагой отправимся, да с грудями товара,

⁸ Ширван – историческая область и государство в Закавказье, на западном побережье Каспийского моря, простирался от Дербента на севере до дельты Куры на юге. В настоящее время часть территории Азербайджана.

⁹ Каспийское море.

¹⁰ Пушнина (устар.).

подозрительность их ослабнет авось. Вот я на твою жилку купеческую, на сердце непоседливое и понадеялся.

– По делу подозревают али зазря? – поинтересовался Афанасий.

– То не важно, – отмахнулся Михаил. – Так пойдешь со мной?

– Соблазн велик. – Афанасий задумчиво потербил бороду. – Да погоди, не лыбься. Давай еще раз проговорим все. Ты помогаешь мне денег раздобыть на новый товар, мы нанимаем струг, загружаем его, идем до Нижнего, там присоединяемся к каравану Аслан-бека, плывем до Ширвана. Там продаем все подчистую и обратно. Так?

– Вроде того.

– А как же мы обратно пойдём? Без каравана? Разбойников там много, да и ордынцы пошаливают.

– Обратно товара можно и не брать, с деньгами вернуться. Налегке. Они таких не трогают – самим урону больше. А тебе вообще грех жалиться, с тобой и десяток разбойников не сладит.

– Для девок портовых сладкие речи оставь, – усмехнулся Афанасий, хотя видно было, что он польщен. – Подумать мне надо над твоими словами, дай времени хоть до утра.

– Хорошо, – кивнул Михаил, поднимаясь. – Я тоже пойду, еще успеть нужно многое.

На прощание они обнялись по-братски. Скрипнула дверь. Михаил исчез, оставив Афанасия наедине с тяжкими думами.

Наутро третьего дня купеческий струг заканчивал погрузку около тверской пристани. Поднятую мачту венчал парус, свернутый до ветреной поры. На носу поблескивала латунным боком пушечка. Вдоль бортов лежали снятые с уключин весла.

Собольи, лисьи и куньи меха были плотно упакованы в баулы и засунуты под палубу, подальше от брызг и сапог. Работный люд закатывал по сходням бочки с медом, до которого были охочи басурманские князья, называемые ханами. Воск, пеньку и кору для дубления кож общим сходом порешили не брать – место занимают, а выгоды с них чуть.

Помимо Афанасия, Михаилу удалось сговорить в дорогу еще троих: Андрея Прокопьева – купца в Твери известного, Митрофана, которого за хваткость и изворотливость звали Хитрован, и Шипшу, круглолицего, кривоногого татарина с тонкими ниточками вислых усов, который не успел вернуться домой до ледостава и теперь надеялся сбыть соплеменникам залежалый товар. Чтоб не платить лишнего, взяли в качестве гребцов племянников и крестников пять человек, пусть, мол, на мир посмотрят, да Шипша привел с собой двух совершенно одинаковых с лица татар, ни слова не понимавших по-русски, зато услужливых и двужильных в работе.

Наконец последние мешки были уложены, снасти и уключины проверены, родные перецелованы.

– Ну что, отваливать пора? – спросил Афанасий Михаила.

– Погоди немного. А вот...

Проследив за направлением взгляда Михаила, он заметил, что от кремля к берегу спускается целая процессия. Впереди скороходы, разгоняющие с дороги праздный люд. За ними резные сани, запряженные парой гнедых жеребчиков. Высокими полозьями они тяжело переваливались в колдобинах весенней распутицы, не пощадившей и главной тверской улицы. За санями – верхами четыре витязя в островерхих шеломах, потом еще одни сани, черные, скромные, с верхом из пропитанной маслом рогожи. А следом еще человек десять верхами, судя по блеску кольчуг и красным плащам за спиной – воины княжьей дружины.

– Это что ж, по нашу душу? – подивился Андрей.

– Как есть по нашу, – высоким, дрожащим голосом ответил Хитрован. – Не нравится мне это.

Татарин, стянув шапку, закивал лысой головой, то ли соглашаясь с купцом, то ли кланяясь издалека.

– Успокойтесь, – образумил Афанасий столпившихся у трапа купцов и их присных, – если б нас в темницу садить надумали, то княжью дружину бы на это дело не посылали. Хотя...

Купец поежился, вспомнив, как гнался зимой за соглядатаем, следы которого оборвались в княжьих покоях. Неужели продолжение, не сулившее ничего хорошего, случится прямо сейчас? В тот самый момент, когда он наконец вырвался из душного дома и отправляется в милое сердцу путешествие? А может, за борт? Да саженками через Волгу? Пока лодку спустят, он уже и на том берегу окажется. Вода нынче стылая, но если руками шевелить быстро, авось и не замерзнешь, а там в лес – и поминай как звали. Русь велика, люди, работы не боящиеся, везде нужны.

Михаил, заметив его беспокойство, подошел, положил руку на плечо:

– Ты чего, Афанасий, с лица спал? Будто лешего увидел.

– Лешего не лешего, а такие проводы мне что-то не по сердцу, – ответил купец.

– Не переживай. Хорошо все.

Процессия остановилась у самой пристани, из резных саней поднялся человек, сошел на землю и зашагал к причалу, гордо неся голову.

– Батюшки! Великий князь! Михаил Борисович! – зашушукались в толпе. – А это, смотри, с ним кто? Борис Захарьич!¹¹ – узнали в человеке, слезшем с серого в яблоках жеребца, великого тверского воеводу. – Ну дела!

Остановился и черный возок. Из него, поддерживаемый под локти двумя послушниками, вылез сам владыка Геннадий¹². Толпа ахнула и поразевала рты. Племянники и присные за спинами купцов зашушукались. Хитрован шикнул на них, но не помогло.

В окружении дружинников, оттеснивших самых любопытных, знатные спустились на пристань.

– Ну что, люди торговые, настроение как? – зычным голосом обратился к купцам воевода.

– Хорошо, спасибо, – ответил за всех Михаил.

– Добро! Вы уж там не посрамите!

– Не посраим, батюшка, – выкрикнул Хитрован и истово перекрестился.

Шипша все продолжал кивать, как болванчик, что из-за Великой стены привозят.

Вперед вышел владыка Геннадий. Из рук послушника взял смоченную святой водой кисточку и прошел вдоль борта, кропя все что ни попадя, читая при этом нараспев глубоким бархатным голосом:

– Господи Иисусе Христе, Боже наш, по морю яко посуху ходивый и святых Своих ученики от смущения и волнения того пришествием Своим свободивый: Сам и ныне, смиренно молим Тя, призри милостивно на судна сия ратныя и всесильною Твоею десницею, небесным Твоим благословением благослови я, и плыти в них хотящему воинству соплавай, и благоутишны ветры им послы, и пристави им Ангела блага всесильныя Твоя крепости...

– Он же как для воинов, на сечу отправляющихся, молитву читает, – прошептал в ухо Михаилу Афанасий.

¹¹ Борис Захарьич – воевода, возглавлявший тверские войска. Представитель рода Бороздиных, перешедших впоследствии на московскую службу.

¹² Владыка Геннадий – епископ тверской в 1461–1477 гг., бывший московский боярин Геннадий Кожа.

Тот в ответ ткнул его локтем в бок – молчи, мол, слушай. Наконец владыка закончил и, благословив купцов, отошел. Видимо, теперь настал черед князя. Но тот просто стоял молча, расчесывая пятерней густую бороду. Когда торговым людям стало совсем нехорошо под его внимательным взглядом, князь махнул рукой устало – делайте, мол, что хотите, и ушел обратно к саням. Дружинники поспешили следом, расталкивая щитами зевак.

Поклонившись князю вослед, купцы поспешили на корабль. Племянники отвязали канат, втащили трап и засуетились у мачты, распуская парус из небеленого холста. Афанасий поднял весло, пошел на нос и оттолкнулся от пристани. Струг медленно отвалил от берега.

В толпе на берегу заголосили, замахали белыми платочками. Вознеслись над головой иконы Николы Чудотворца – покровителя мореходов и странников.

Афанасий подошел к Михаилу.

– Вот, значит, Мишка, в чем твой секрет? – многозначительно проговорил он.

– Ты о чем? – Михаил сделал вид, что не понимает приятеля.

– По княжескому заданию торгуешь. Видать, он тебе и денег ссудил, и товар, что везешь, тоже его.

– А-а-а-а, – протянул Михаил. – Да, есть такое дело. Только ты не веселись так – с княжеской казной за спиной торговать куда как опаснее, чем со своей. Случись что, не перед родичами да детушками малыми, а перед княжьим гневом ответ держать. Зато и выгоды немалые.

– Проныра! – покачал головой Афанасий.

– На том стоим, – улыбнулся Михаил.

Глава третья

Струг плавно скользил по волжской глади. Острый нос с шелестом разрезал темную воду. Вспыхивали по берегам и угасали за кормой огоньки прибрежных деревень. Ветер был попутным. Люди отдыхали, отложив весла, и развалились прямо на банках, подложив под головы шапки.

Настроение у купцов было донельзя благодушным. Удачное начало – половина дела, а дело, начатое благословением самого епископа, каким еще и считать?

По их расчетам, до Нижнего они должны были добраться к завтраму, вечером, если со стоянкой, или к утру, если плыть в ночь. Решили плыть, запалив на левом борту факел, чтоб разойтись с другим судном, идущим в темноте вверх по реке.

Послав одного татарина к рулю – все равно по-русски ни бельмеса и не пьет, – купцы собрались под мачтой. Достали глиняную бутылку с хмельным медом. Афанасий, за несколько дней путешествия воспрянувший духом и скинувший полпуда веса, рукой раскрошил сургуч, коим была залита пробка. Подцепив ногтями, выдрал ее с хлопком пушечным. Разлил по глиняным кружкам пенный напиток.

Выпили все, даже Шипша, хотя он вроде веры мусульманской и хмельного потреблять ему не положено. Крякнули, больше для порядка, чем от крепости, закусили хлебом, лучком и вяленым лещиком. Налили по второй. Кто-то из племянников затянул вполголоса песню о речных просторах и широких полях. Андрей, сын Прокопьев неожиданно стал подтягивать глубоким басом. Допели, накатили еще по одной. Песню затянул другой племянник, и тоже о просторах, о воле да о богатстве. Андрей опять подхватил, вибрируя своим огромным брюхом. От его пения, казалось, сотрясался весь корабль.

Мишка придвинулся к Афанасию, задумчиво почесал бровь:

– А вот интересно, отчего у нас все песни грустные? Вроде ж про хорошее все, про простор, про волю, про деньги даже, а сердце рвет?

– Да уж, – пробормотал Афанасий. – В Пруссии, вон, их Ганзели и Гретхены даже про пытки и казни лютые умудряются весело, с плясками разухабистыми, а у нас... Их бы веселость да к нашей удали...

– То верно, – покивал Михаил.

Песня закончилась, слово взял Хитрован.

– Петь я не умею, – прокашлялся он. – Но историю расскажу. Правдивую.

– Дело хорошее. А про что твоя история будет?

– Про птицу огненную, что живет на горе и прозывается...

– Знаем мы эти сказки, – лениво протянул Михаил. – Слыхивали не раз. Давайте лучше я вам историю расскажу, правдивую по-настоящему.

Купцы наострили уши – истории из жизни куда как поучительней обычных дорожных побасенок.

– Ну ладно, давай, – смирился Хитрован.

– Как-то в мастерскую швейную, что в Москве, у Кузнецкого моста, зашли два господина, – начал Михаил голосом бродячего сказителя. – Представились хозяину купцами тульскими, посланными обществом заказать в Москве полное епископское облачение с митрой, которое они собираются поднести своему архиерею. Да с жемчугами и алмазами. Люди были знатные на вид, заказ выгодный, хозяин и взялся. В мастерской закипела работа.

В положенный срок пришли те купцы за заказом, да время так подгадали, что один хозяин в лавке остался, все приказчики обедать направились.

Осмотрев приготовленные вещи, попросили добавить к наряду еще камней самоцветных и вещиц мелких, навроде бляшек золотых, архиерею все ж таки дарим, не кому-нибудь! Хозяин, простая душа, подобрал, что было прошено, и в отдельный мешочек сложил.

Покивали купцы: мол, хорошо сделано, красиво, да только сомнения есть небольшие, как они будут на живом человеке смотреться? Попросили хозяина на себя примерить.

Тот рассудил, что заказчик всегда прав, а если он облачится в архиерейские ризы, греха большого не будет, и просьбе-то уступил. Купцы взялись ему усердно помогать и под конец, водрузив ему на голову архиерейскую митру, отошли в сторону, любуясь делом рук своих.

– Лепо, ай лепо, – говорили они. – А ну-ка так поворотись, да еще вот так. И спиной теперь встань.

Как только хозяин отвернулся, «купцы» сгребли с прилавка камни драгоценные да безделушки золотые и бежать. Да на улицу, да в сани, что заранее их поджидали. Хозяин, конечно, за ними.

Никогда жители Москвы не забудут, как мчалась через Кузнецкий мост лихая тройка, а за ней бежал архиерей в полном облачении, с митрой, съехавшей набекрень, крича во все горло: «Карау-у-у-л! Держи их, проклятых!»

Все, кто был на струге, прыснули со смеху, иные даже поперхнулись медом.

– Охо-хо, – надрывался Хитрован. – Ай Мишка, ай потешил.

– Ой, мама родная, держите меня семеро! – хохотал Андрей Прокопьев, сотрясаясь дородным телом.

– А дальше чего с тем хозяином было? – выдавил сквозь смех Афанасий.

– В корень зришь, – улыбнулся Михаил, довольный произведенным впечатлением. – Не догнал хозяин ту тройку, понятное дело, в ризе-то особо не побегаешь. Отстал. Встал посреди улицы и начал, потрясая кулаками, посылать вслед татам проклятия ужасные. Вокруг толпа собралась – понятное дело, когда еще такое увидишь? Да такая, что стражники городские с трудом через нее пробрались, да и взяли в железа «архиерея» за буйство. Пока суд да дело, мошенников уж и след простыл.

Волжский простор огласился новым взрывом хохота. Отсмеявшись и утерев слезы, купцы выпили еще по одной и решили укладываться спать, оставив в дозоре одного из племянников. Афанасий расстелил рогожу, подложил под голову шапку и смежил веки. Сон накатила теплой волной, окутал, понес куда-то в неизведанные, таинственные миры...

Сильный удар в днище разорвал пелену сна. Мачта зашаталась, обрывая крепящие ее канаты. Со скрипом разошлись доски обшивки. Факел вылетел из поставца, покотился по палубе, разбрызгивая снопы искр, сорвался вниз и зашипел в темной воде, хлынувшей сквозь пробоину.

– На мель, что ль, сели? – спросил кто-то, хрипя спросонья.

– Да откуда тут мель? Сто раз хожено, никакой мели отродясь не было, – недоуменно ответил кто-то, не видный в темноте.

– Товар поднимай! – закричал Хитрован. – Вода рухлядь погубит!

Купцы бросились вытаскивать баулы с мехами и переносить их наверх. Работа кипела до рассвета, который не принес купцам никакой радости. Раздевшись догола и обвязавшись веревкой, Мишка спустился за борт, погрузившись по пояс, дошел до пробоины и долго ее разглядывал, цокая языком и качая головой. Один из племянников был отправлен на корму разводить костерок и греть сбитень, остальные, свесившись за борт, жадно наблюдали за действиями Михаила. Тот ходил вдоль пробоины, пару раз опускался с головой, выныривал, сокрушенно ею качая, и наконец велел поднимать.

Вода в реке была ледяная, и Мишка замерз до синевы. Его промокнули холстиной, завернули в шкуру и поднесли чашку горячего отвара. Стуча зубами по краю, он рассказал:

– Мель в этом месте водой намыло большую, что на Волге не редкость, да только не простая это мель.

– А какая? – изумились купцы.

– Камни на дно накиданы, да еще специально так развернуты, чтоб корабль с разгону наскочил и засел.

– И сильно засел?

– Остальные камни ничего, а вот один прямо рядом с брусом килевым. Доски не сломал, но раздвинул и вошел глубоко.

– Так то хорошо, что доски не сломаны. Можно будет струг с мели стащить да законопатить и дальше плыть. Смолы с собой есть малость, а не хватит, так у прибрежных жителей купим, – обрадовался Афанасий.

– Да, веревки есть. Привяжем, впряжемся да и потянем, – добавил кто-то из племянников.

– Нельзя его тянуть. Борт разворотим. Поднимать надо вверх, а на то у нас сил не хватит, – ответил окончательно согревшийся Мишка, одеваясь.

– А не те ли недоброхоты, от которых ты нами прикрываешься, нам такую пакость подстроили? – вполголоса спросил его Афанасий.

– Не, не их это манера через реку заруды строить. От них скорее кинжал в спину ждать надо али стрелу отравленную, – совершенно не обиделся Мишка.

– Эй, на корабле! Случилось что? – донеслось по воде.

Купцы обернулись. На берег вышло дюжины с полторы дородных мужиков в справных зипунах поверх хороших рубаш. У некоторых в руках были вилы и иное дреколье.

– А то сами не видите, – отозвался Хитрован.

– Видим. Вот и решили подойти спросить, может, помощь нужна какая? – ответил за всех один, по виду староста, сильно налегая на «о».

– А вы сами-то кто такие будете, помощнички? – подозрительно осведомился Хитрован.

– Из соседней деревни мы. Услышали ночью треск да грохот, вот и решили глянуть, чего на реке приключилось.

– Ну, посмотрели? Теперь идите, не мешайте людям с бедой своей разбираться.

– Погоди. – Афанасий подошел и положил руку Хитровану на плечо. Перегнулся через борт. – А что, люди добрые, не подмогнете ль корабль на чистую воду вывести?

– Подмогнуть? – Староста задумчиво расчесал пятерней бороду. – Вода уж больно холодная, только лед сошел. Застудиться можно и слечь. Нам оно надо?

– А если мы заплатим? – спросил Афанасий и оглянулся на купцов.

Те, не любители расставаться с деньгами, покивали, хоть и с натугой.

– Смотря сколько дадите, – рассудительно произнес староста.

– А сколько хочешь?

– Ну, деньги¹³ четыре было бы в самый раз, – взглядом пересчитал он купцов.

– Да бога побойтесь! – вскричал Андрей. – За что ж тут четыре деньги драть?

– Ну... – рассудительно произнес староста, – не хотите – как хотите. Сидите тут, другой оказии ждите. Только когда еще дождетесь? Жилье ближайшее верст за десять. А мы пойдем тогда.

– А может, две? – крикнул Андрей. – По полушке с каждого?

– Не, не хотите нашу цену, так как хотите. – Мужики развернулись к лесу.

¹³ Деньга – основная денежная единица того времени. Как серебряная монета начала чеканиться в XIV в. в Великом княжестве Московском, а с начала XV в. – и в других княжествах и республиках. Из весовой гривны серебра (204 г) чеканились 200 монет, которые составляли московский счетный рубль (в те времена рубль как реальная монета не существовал).

– Стойте! Стойте! – закричал Афанасий с борта. – Согласные мы!

Он сурово взглянул на купцов и вытянул ладонь, те с неохотой опустили в нее по серебряному кругляшку. Добавив свой, поднял горсть над головой.

– Вот деньги!

– Так давай сюды! – крикнул староста.

– Да как же?

– Кидай, мы споймаем.

– Глубоко тут, вдруг утонут.

– Ну, тогда неси, – пожал плечами староста. Видно было, что он чувствует себя хозяином положения.

Афанасий задумался: а ну, как денег возьмет, а работу делать не станет? И люди его тоже. Да нет, они, конечно, крепкие, но сиволапые. Если что, отберем деньгу обратно да еще бока намнем.

Он перепрыгнул через борт, стараясь попасть ногами на мелкое место, хорошо видимое в свете наступившего утра. Стараясь не поднимать холодных брызг, дошел до берега и вручил старосте требуемую мзду. Тот скинул порты, завязал узлом подол рубахи и спустился в воду. Долго и придирчиво осматривал днище и вернулся на берег, где его поджидали Афанасий и деревенские мужики.

– Глубоко сидит, – покачал он головой. – Придется разгрузить струг.

– Точно? – переспросил Афанасий.

– Иначе не снимем. А если и снимем, то дно сильно покорябаем. Придется новые доски прилаживать. В новую деньгу встанет.

– Что ж, ладно, – согласился Афанасий и пошел к своим отдавать распоряжения.

Мужики на берегу тоже засуетились, в руках у них появились топоры, под ударами коих задрожали березки в соседней рощице.

Пока купцы, выстроившись цепочкой, передавали друг другу товар и складывали на берегу, мужики нарубили чурок. Подтащили их к кораблю и притопили. Уперев в них шесты, загнали их концы под днище. Затем уже все вместе налегли на «раз-два, взяли».

Со скрежетом корабль слез с камней. Отвели в сторону и вытащили на сушу покорябанный нос. Выловили из воды чурки и вставили их под пробоину, чтоб можно было пролезть с инструментом и смолой.

– Ну, спасибо, люди добрые, – поблагодарил их Афанасий.

– Да чего там, – ответил за всех староста. – В следующий раз аккуратнее под парусом бегайте да лучше правьте.

На том мужики распрощались и растворились в лесу. Обессиленные купцы разложили из обломков шестов костерок и попадали вокруг.

– Какие славные люди, – пробормотал Хитрован.

Остальные посмотрели на него удивленно, но смолчали.

– Да, повезло, что они рядом очутились, – согласился Михаил.

– И взяли немного, – добавил Андрей Прокопьев. – Могли и вдвое запросить, все равно другой помощи тут ждать неоткуда.

От сваленных под деревьями тюков вернулся один из племянников, отправленный принести еды и питья. В руках у него ничего не было, лицо бледное, нижняя челюсть подрагивает, кадык ходит ходуном. Было видно, что он хочет что-то сказать, да не решается.

– Ну, что встал столбом? – подбодрил его Хитрован. – Говори, что там у тебя стряслось.

– Товара... – проблеял он.

– Что товара? Да говори толком, – взъярился купец.

– Товара не хватает, – с трудом выдавил тот из себя.

– Как не хватает? – спросил Афанасий, чувствуя, как холодеет все внутри.

– Так, тюков с рухлядью мягкой штук десяти нет, бочки одной с медами нету тож. И вещей... Сумка моя, а там иконка в серебряном окладе да денег чуть.

Афанасий, чертыхнувшись, вскочил на ноги, бросился к кургану сваленных на берегу вещей. Принялся считать. И впрямь, многого не хватало. Подошли другие купцы, покачивая головами и цокая языками, принялись считать убыток.

– Видать, пока мы в воде корячились с этими помощниками, сообщники их подошли да поперли добро наше, – подвел грустный итог Михаил. – Даже пушечку увели, проклятые.

– Ну, люди торговые, что делать будем? – первым опомнился Андрей, самый мудрый и рассудительный.

– Что тут сделаешь? – горько покачал головой Хитрован. – Чинить надо струг да дальше отправляться, пока еще какой напасти не случилось.

Шипша, не раз издевавший на Руси горя от разбойников и от люда чиновного, согласно закивал головой.

– Что, прямо вот так и отправляться? Без добра своего? – спросил Афанасий.

– А как ты добро-то вернешь? – подал голос Михаил. – Это тут, на берегу, с людьми твоими «добрыми» разобраться еще можно было на равных. А в деревне, куда они товар наверняка унесли, их там сколько? Да они над нами только посмеются, а то и бока намнут в придачу.

– Может, и намнут, – задумчиво пробормотал Афанасий и добавил изменившимся голосом, словно принял решение: – А может, и нет. Вы тут чинитесь пока, а я скоро.

– Ты куда, в деревню что ль? – удивился Михаил.

– Ага, пойду со старостой да присными его поговорю.

– Не надо, Афоня, много их.

– Я эту кашу заварил, мне и расхлебывать.

– Не ты один, все хороши.

– Хороши все, но людей в помощь я пригласил. Меня подвело чутье купеческое.

– Тогда я с тобой, – твердо сказал Михаил. – Вдвоем оно сподручней. Заодно погляжу, чтоб ты глупостей не натворил.

– Как знаешь, – согласился Афанасий, увидев во взоре друга непреклонную решимость, и, повернувшись к остальным, добавил: – А вы пока доски обратно подгоняйте да дно смолите. Ежели мы до окончания не вернемся, то в воду корабль сталкивайте и готовьте весла. Кто знает, может, поспешать, отходя от берега, придется.

Купцы и племянники бросились отыскивать в завалах товара бочку со смолой, ладить над костром подвес для котелка разогретого. Михаил подхватил с земли саблю и поспешил вслед за Афанасием.

Друзья углубились в светлый березовый лес. Обломанные ветки, примятая трава и следы волочимых по земле тюков безошибочно вели их к деревне. Шли молча. Строить планы до того, как увидят деревню и сочтут количество возможных супостатов, было бессмысленно. Обсуждать иные, отвлеченные дела тем более не хотелось.

Михаил опустил голову и шевелил губами, словно что-то подсчитывая про себя или заучивая наизусть. Афанасий же просто наслаждался твердой землей под ногами, чириканьем птиц, запахом молодых клейких листочков, видом ноздреватого снега, оставшегося еще в тенистых местах, и теплыми солнечными лучами, дробящимися в мешанине веток.

К реальности его вернул Михаил. Схватив друга за рукав, остановил на тропе:

– Чуешь, варевом каким-то пахнет? Близко деревня.

– Да, – принялся Афанасий. – Близко. И собаки брешут, кажись.

– Поостережемся, может, лесом зайдем?

– Ежели б мы с отрядом воинским пробирались да приступом ее брать хотели, стоило бы на брюхе подползать. А так только угваздаемся. В полный рост пойдем. – Он хлопнул друга по плечу, да так, что тот аж присел.

– В полный рост? Афоня, ты чего задумал?

– Сам узришь! – бросил тот через плечо, уверенно ступая по тропе.

– Мира Заступница, Матерь Всепетая! Я пред Тобою... – начал Михаил охранную молитву, да не докончил. Перекрестившись наскоро и сплюнув через левое плечо, бросился вслед за другом, который уже подходил к границам деревни.

Хотя вокруг не было видно ни пахоты особой, ни других промыслов, деревня была зажиточная. Окружал ее частокол из толстых бревен. Тяжелые створки ворот, для красоты выложенные рейками «елочкой», были распахнуты. За ними виднелись основательные срубы с палисадниками и огородами, в коих росли больше цветы, чем репа и брюква. У домов вольготно ходили куры и гуси, пухлые кабанчики беззаботно похрюкивали в грязи. Взмыкивали коровы на дневной дойке. Лошадь, запряженная в груженую телегу, меланхолично брела по улице, отмахивалась хвостом от слепней.

– Кучеряво живут, – пробормотал Михаил, оглядывая это богатство.

– Видать, не мы первые, на ком они поживились, не мы и последние, – ответил Афанасий, в груди которого начинала закипать холодная ярость. Распрямив плечи и выпятив грудь, он зашагал прямо к воротам.

Михаил поехал – ему было не по себе. Он не мог понять, что пугало его сильнее – мужики-разбойники или Афанасий, явно задумавший что-то отчаянное.

В воротах дорогу им заступили дюжие молодцы с батогами на плечах. Вроде не из тех, кто помогал купцам на берегу стащить с мели корабль и расстаться с товаром.

– Куда прешь? – грубо спросил один.

– Старосту вашего повидать хотим, – ответил Афанасий.

– С какой надобностью? – спросил парень, подозрительно оглядывая богатырскую статью Афанасия и саблю Михаила.

– А ты кто такой, чтоб перед тобой ответ держать? – спросил его сын кузнеца.

– Начальник стражи, – подбоченясь, ответил тот, хотя было видно, что напор Афанасия его смутил.

– Тогда бери ноги в руки и дуй до старосты. Молви, купцы с реки к нему пришли. Предложение делать.

Начальник хотел что-то возразить, но, взглянув в пылающие холодным огнем глаза Афанасия, отступил. Потупился. Потом выпрямился и нарочито грозно велел бежать к старосте помощнику, снабдив просьбу злым подзатыльником. Тот сорвался и понесся по улице, громко топоча лаптями по утопанной земле.

– И что теперь? – спросил Михаил.

– За ним пойдем. – Афанасий растолкал плечами оторопевших стражников и поспешил вслед за гонцом.

Михаил старался не отставать от приятеля, сжимая эфес сабли.

Начальник караула, расстроенный таким небрежением, со всего маху саданул кулаком по створке ворот. Скривился. Зашипел сквозь зубы, баюкая ушибленные пальцы. Но на душевные и телесные его терзания уже никто не обращал внимания, даже свои караульные.

Дом старосты, как и ожидалось, был самым справным в деревне. Невысокий, чтоб богатство хозяина было видно с улицы, забор. Три этажа. С маковками, резными наличниками и высоким крыльчком под крышей, подпирали которую колонны с витиеватым узором.

Афанасий пинком распахнул калитку рядом с воротами и вошел, не спрашивая разрешения и не обращая внимания на удивленные взгляды дворни. Шедший следом Михаил только пожал плечами – мол, я и сам тут ни при чем. Афанасий стремглав взлетел по лест-

нице. Миновал сени. Оттолкнув сунувшуюся поперек дороги бабу с пустым ведром в руках, они с Михаилом вошли в горницу, в которой как раз заканчивал свой доклад отосланный подзатыльником караульный. Не крестясь на образа и не желая здоровья, Афанасий вышел на середину комнаты и остановился, уперев руки в боки.

За большим столом пировали деревенские. Десятка полтора мужиков, в большинстве те, что были на берегу. Староста сидел во главе, держа в одной руке ендову¹⁴ с питием, а в другой – хрусткий малосольный огурчик. Завидев купцов, он так и замер, не донеся его до рта. Остальные тоже оглянулись, недоуменно уставившись на неожиданных гостей.

– Удачное завершение дела отмечаете? – спросил Афанасий.

– Вы это... Чего пришли-то? – первым опомнился староста.

– Свое пришли забрать, а то и вашего слегка попросить, за обиду, – спокойно ответил сын кузнеца.

Староста понял, что изворачиваться и отрицать бессмысленно, но смелость и наглость Афанасия его разозлили. А когда он сообразил, что отбирать имущество пришли всего два человека, – и позабавили.

– И как же ты решил это сделать, путник? – В голосе старосты послышалась издевка.

– Если сами отдадите, то добром, если нет... – Афанасий многозначительно покачал перед носом старосты пудовым кулаком.

Из-за стола поднялся огромный, как медведь, детина, ликом похожий на главаря. Сын али племянник. Приблизился к Афанасию, дыша квасным перегаром. Ухватил купца за ворот:

– А если мы тебя сейчас...

Договорить он не успел. Афанасий коротко, без замаха ударил его кулаком в подреберье. Дух со свистом вышел через стиснутые зубы. Парень упал на бок и закрутился по полу, елозя ногами и выпучив глаза. Рот его беззвучно открывался в тщетной попытке вдохнуть хоть немного воздуха. Другой детина неожиданно вынырнул откуда-то сбоку и тут же отлетел назад, получив локтем в лицо. Ударился затылком о стену и затих.

Афанасий шагнул вперед, опрокидывая скамейку, на которой сидело полдюжины мужиков, и, переступая через руки и ноги, добрался до старосты. Положил ему на затылок ладонь и с хрустом вдавил его лицо в блюдо с квашеной капусткой.

Несколько мужиков, опомнившись, навалились на Афанасия, как гончие на медведя. Не отпуская старосту, купец повел плечами, и они разлетелись в стороны. Другие мужики, похватав кто что, поднялись из-за стола. Мишка встал спиной к спине друга и выхватил саблю. Она засверкала в его руке, выписывая сверкающие восьмерки.

– Не доводи до греха, православные! – крикнул он, срываясь на визг.

Мужики поспешили отодвинуться, образовав плотный, воняющий потом и страхом полукруг. Афанасий склонился к заросшему черным волосом уху старосты:

– Надо что-то объяснять али сам сообразишь?

– Отпусти, а то живыми вам отсюда не выйти, – пробубнил староста в миску, пуская пузыри и расплескивая вокруг брызги рассола.

– А тебе-то, мертвому, с того корысть будет?

Афанасий надавил, староста тихонько пискнул, чувствуя, как гнется хребет.

– Ладно, ладно, отпусти только.

– Э нет, сначала скажи что надобно, потом уж отпущу. – Афанасий надавил еще.

¹⁴ Ендова – низкий ковшеобразный сосуд с одной или двумя ручками для разливания или питья кваса, браги, пива за столом большой семьи.

– Сашко, – прохлюпал в миску староста, – бери людей, сколько надо, и пусть тащат на двор все, что мы сегодня у купцов забрали. Да точно все. Чтоб до шкурки. Узнаю, что утаили, – убую!

Названный Сашко кивнул нескольким мужикам, что менее всех пострадали в драке с Афанасием, и повел их на двор.

– Вот это лепо, – похвалил старосту Афанасий. – Теперь вели остальным из горницы убираться. А лучше из дому, да идти от крыльца подальше.

Староста зло прикрикнул на столпившихся у дверей мужиков. Те попятнулись, вздыхая и топоча ногами, как стало коров. С ними ушли и все домочадцы.

Михаил вышел в сени и заложил дверь крепким брусом. Щелкнул засовом и вернулся обратно.

– Ну, что теперь делать будем? – спросил он.

– Так к своим пойдем, – пожал плечами Афанасий, отпуская старосту.

Тот вскочил на ноги, взъерепенился, заругался матерно. Купец отвесил ему полновесную затрепину, отчего староста заткнулся, поперхнувшись нечестивыми словами. Афанасий бросил ему расшитое полотенце:

– На, утрись, а то на лешака болотного похож.

Староста, бурча что-то под нос, принялся выбирать из бороды стрелки рубленой капусты.

– Ну, как там оно? – спросил Афанасий Михаила, пытавшегося разглядеть что-то сквозь слюдяное окошечко, высотой и узостью более подходящее на крепостную бойницу.

– Да вроде вынесли товар да у крыльца положили. Не знаю, весь ли.

– А ты не считал, пред тем как пошли?

– Не. На ум не пришло.

– И мне не пришло, – покачал головой Афанасий. – Будем надеяться, что жисть воеводы своего они ценят выше, чем мягкой рухляди мешок. – Он тяжело глянул на старосту. – Коль уж так виноваты вы перед нами, то вели своим людям еще и снеди нам заготовить. Чтоб до Астрахани на дюжину едоков знатных хватило.

– А как же... – начал было Михаил.

Афанасий подошел к оконцу без рамы и хрястнул кулаком. Осколки слюды полетели вниз, осыпая дождем толпившихся внизу, те отскочили от неожиданности. Взяв старосту за ворот, купец подтащил его к проему и высунул харей в проем:

– Командуй, пес. Если не хочешь, чтоб голова там осталось, а все остальное тут.

– Мясa принесите, того, что с вчерашней коровы нарезали. Да хлебов, да огурцов и лука... – краснея от натуги и унижения, закричал староста, кривя стиснутое границами окна лицо.

– На телегу грузят пусть, – вполголоса подсказал Афанасий. – И добро туда же сложат.

– ...погрузите на телегу, вместе со скарбом...

– И отгоняют к воротам. Да больше четырех мужиков пускай не ходят.

– ...и к воротам гоните. Сашко пойдет, Гаврила, Андрей и Мышата...

– Остальные по домам, – командовал от имени старосты Афанасий. – И чтоб носу на улицу не казали.

– ...остальным дома закрыться и тихо сидеть, пока я не вернусь.

– Экий ты прыткий: «не вернусь», – развеселился Афанасий, чуть придавив старосту.

Тот крякнул, но смолчал.

– А не обманут? – спросил Михаил. – Мы отправимся, а они за нами следом и подкараулят на тропе? Вон, и темнеет уже, так им даже сподручнее.

– Непременно обманут, – сказал Афанасий, оттаскивая старосту от окна. – Но на их хитрость мы свою хитрость учиним.

Он достал из сапога короткий, но острый даже на вид нож. Снял кушак и примотал свою руку к шее старосты так, чтоб острие смотрело обомлевшему мужику точно в кадык.

– Ну вот, – полюбовался он делом рук своих. – Теперь, ежели что, ежели прыгнут из кустов али стрелять надумают, ты первым покойничком станешь. Так что людям твоим надо птиц ночных разгонять и ветки с дороги убирать, чтоб я не оступился нечаянно. Чуешь?

Страшась даже кивнуть головой, староста лишь закрыл глаз утвердительно.

– Вот и славно. Ну, двинем, помолясь?

Михаил прошел в узкие сени. Щелкнул засовом. Приоткрыл с опаской. Замер на пороге, загораживая проход.

– Чего застрял-то? Шагай уже, – подбодрил его Афанасий.

Михаил выхватил саблю и шагнул за дверь, словно в прорубь нырнул. Сын кузнеца вывел старосту, стараясь не очень щекотать его ножом. Хотел еще раз предупредить, чтоб не рыпался, да передумал – и так хватит ему острастки.

Под ненавидящими взглядами мужиков, не думавших расходиться, они дошли до ворот. Телега с едой и товаром ждала их, как и было указано.

Афанасий придирчиво осмотрел груз:

– А пушечка наша где?

– Бог с ней, – попытался одернуть его Михаил. – Новую купим.

– Э, нет. Что наше, то наше. Ну-ка, за пушечкой дунули, – бросил он, не оборачиваясь, зная, что мужики идут за ними от самого крыльца. Для убедительности он кольнул острием горло старосты.

Тот прохрипел, чтоб выполняли.

Через некоторое время пушку прикатили, привязали к задку телеги. Афанасий кивнул, пошли, мол. Колеса скрипнули. Телега с товаром и четырьмя мужиками по бокам тронулась. Следом пошли Афанасий и староста, а замыкал шествие Михаил, нервно поигрывающий саблей.

– Ворота за нами закройте, чтоб соблазну не было? – крикнул на прощание Афанасий.

Телега вкатилась под сень вечернего леса.

До корабля добрались уже в сумерках, ориентируясь на едва заметный огонек костра. Купцы подивились находчивости Афанасия, но сдержанно. Поняли, что, пока корабль не отплывет, радоваться преждевременно.

– Доски обратно свели да скобами укрепили. Просмолили тож, – доложил Андрей. – На воду спихнули, вроде держит.

– То славно, – отозвался Афанасий. – Этих олухов приспособьте к работе, пушай таскают добро на борт.

Михаил же закусил от обиды губу – в его сторону никто и не посмотрел.

– А с этим что делать будем? – ткнул пальцем в старосту Хитрован, в глазах которого зажглись мстительные огоньки.

Шипша, оскалившись, потянулся к висящему на поясе кривому кинжалу.

– Смртоубийства не допущу, – дал им укорот Афанасий. – С собой его возьмем до поры, чтоб деревенские какую подлянку не устроили. А отплывем подальше – за борт кинем, пушай домой сам плывет. Глядишь, после такой науки перестанет добрых людей обманывать.

– Есть тут еще беда одна, – помял в руках шапку Андрей.

– Что случилось? – нахмурил брови Афанасий. – Да говори, не томи.

Привязанный к нему староста обмер, повис безжизненно в ожидании смерти. Михаил снова взялся за эфес сабли.

– Караван Аслан-бека мимо прошел. Почитай сразу, как вы в деревню ушли. Кораблей тридцать. Спервоначально посольские на судах огромных, что бусами¹⁵ прозываются. Да красивые такие, с резными надстройками, в коврах все. Шум, музыка на них. А следом за ними корабли попроще. Московские да ярославские струги, да и кочи¹⁶ северные, и даже коги¹⁷ ганзейские шли.

– Поспешать, значит, надо до Нижнего, чтоб успеть перехватить? – раздумчиво проговорил Афанасий. – Что ж, придется-таки за весла браться.

Купцы не роптали, сели не чинясь, только Андрея не пустили, хоть и рвался. Уважили старость. Отправили молодого да глазастого племянника на нос, смотреть под форштень, не окажется ли еще мелей по курсу. Михаил, места которому просто не хватило, тоже ушел на нос, занялся пушечкой, внимательно разглядывая ствол внутри и снаружи, не поцарапали ли, когда тащили по лесу. Кто-то из гребцов затянул веселую песню с молодецким посвистом, весла вспенили темную воду. Струг помчался вперед, оставляя за кормой пенный след.

Старосту решили в ледяную воду не сбрасывать, как обещали. И грех на душу брать не хотели, а то вдруг потопнет еще, да и гнев поутих. Наказали больше купеческий люд не грабить, подкрепив слова парой затрещин, да и высадили за ближайшей косой, чтоб пешком до дому шел.

Вечерний причал Нижнего Новгорода встретил их тишиной, грудями мусора, оставленными пребывавшим тут караваном, и плавающими в воде объедками. Огромный караван, утомив жителей до полного безразличия к происходившему вокруг, снялся и ушел вниз по реке.

– Не успели, – выразил общую мысль Андрей.

– Ничего, бог даст, нагоним, – ответил Афанасий.

– Погодить надо, – взял слово Михаил. – Люди руки до крови сбили и спину наломали так, что не разогнуть. Отдых нужен.

– То верно, – подтвердил Хитрован. – Мочи больше нет.

– Пристанем?

– Совсем караван уйдет, – вздохнул Афанасий.

– Тогда, может, парус поставим, да на руль человека и пойдём караван догонять тихим ходом? А остальные пускай спать ложатся, – молвил Андрей. – Приставать нам незачем. Еды, Афанасию благодаря, у нас в достатке.

В подтверждение своих слов он с шумом хлебнул ухи, сваренной из наловленной сачком прямо с борта рыбы, и вкусно заел подовым деревенским хлебом.

– Никто не супротив такого предложения? – спросил Афанасий. После возвращения товара к словам его стали относиться с особым почтением.

– А не опасно ночью да в одиночестве по Волге-то плыть? – спросил кто-то.

– Если сейчас не поплывем, домой возвращаться с убытком придется. Как вы, не знаю, а мне с долгами не расквитаться будет.

– Мне надо томой, – подал голос татарин Шипша. – Шдут меня.

– Да и я бы поплыл, – сказал Михаил.

– И я бы, – сказал Андрей. – Я эту поездку как последнюю задумал, чтоб потом на покой. Нехорошо будет, если несолоно хлебавши вернусь. На всю оставшуюся жизнь камень на душу.

¹⁵ Бус – полумифический корабль, ходивший по Волге и Каспию, имел до 60 м в длину и водоизмещение до 200 т.

¹⁶ Коч – поморское деревянное одномачтовое однопалубное промысловое парусно-гребное судно XI–XIX вв. Первоначально строились без применения металлов. Оснащались мачтой, навесным рулем и веслами. Также известны и двухмачтовые суда.

¹⁷ Ког – основной тип судна Ганзейского союза. Это высокобортное палубное одномачтовое судно с мощным набором корпуса. Характерная особенность – навесной руль и прямые штевни, сильно скошенные к линии киля.

Все посмотрели на Хитрована.

– Да и черт с вами! – вскричал тот, мелко перекрестив рот. – Идем!

– Тогда спать укладывайтесь, а я до свету на руль встану, – сказал Афанасий.

Никто не стал ему возражать, купцы тут же вытащили отрезы и шкуры, служившие им постелями, и улеглись. Весельные гребцы попадали, кто где был, иные уснули прямо на банках. Над водой понесся молодецкий храп.

Глава четвертая

Шестой день скользил по реке струг Афанасия и его команды. Уже закончились нижегородские земли и потянулись степи Большой Орды. Плоские, как стол, лишь изредка перемежались они островками лесов. Бревенчатые дома русичей сменили шатры и юрты татар-кочевников, стоявших лагерем у самого берега. Правда, на татар эти кочевники были уже не очень похожи – ликом белее, да в одеждах, обычных для более западных земель. А русские, жившие в приграничье, наоборот, часто несли на себе следы татарской породы.

Купцы повсюду встречали следы каравана Аслан-бека, но не в силах были его догнать. Будто заколдованный, тот исчезал из-под самого носа, оставляя после себя выторгованные до основания поселения и упитых с хорошего навара жителей.

Шипша несколько раз сходил на берег и возвращался с каждым разом все мрачнее и мрачнее.

Наконец Афанасий не выдержал:

– Ты что хмурый такой? Новости плохие узнал?

– Расное говорят, та верить можно не всякому.

– Чего говорят-то?

– А... – только отмахнулся татарин.

Больше Афанасий к нему с расспросами не приставал.

В одном безымянном стойбище, где-то уже за Берке¹⁸, встретили они хорасанца¹⁹, черноглазого и загорелого, как чугунок, в дырявом, но дорогом платье и потрепанной чалме. Придя на корабль, тот клялся и божился, что состоит в свите самого бека, и обещал, если купцы помогут ему добраться до каравана, свести с нужными людьми. Согласились, даже не взяв платы. Все равно по дороге, а хорошие знакомства никогда не помешают.

Мехмет, так звали перса, оказался разговорчивым, веселым, неплохо говорил по-русски и знал множество историй, баек и присказок, коими охотно делился с командой. Афанасий же не упускал случая поболтать с ним на фарси о том о сем. Михаил тоже часто присоединялся к их беседам. Нос, на котором они взяли привычку собираться возле удачно возвращенной пушки, часто оглашался взрывами хохота.

У других купцов настроение было не столь беззаботным.

– Да что ж такое-то? – сетовал Хитрован после очередного возвращения с берега. – Ни единой шкурки продать не удалось. Вроде бы и рады взять, да платить нечем.

– Ничего, Большую Орду скоро пройдем, до ханства Астраханского доберемся. Там, в Хаджи-Тархане²⁰, поторгую, – успокаивал его Андрей.

– Да как поторгуешь, ежели эти, – Хитрован неопределенно махнул рукой вперед по течению, – подчистую все выметают?

– Хаджи-Тархан от моря недалеко стоит, на берегу самом, там и персидские купцы бывают, и ногайцы из Сарая, и хивинцы туда приплывают. Может, даже и до Ширвана идти не придется, тут отторгуемся.

– Было б хорошо. А чего это наши персияне так всполошились? – спросил Хитрован.

– Никак узрели что-то? – прищурился Андрей.

¹⁸ Сарай-Берке построен в 1262 г. ханом Берке в пойме реки Ахтубы, на левом берегу. Это место хан использовал для кочевья. В 1396 г. город разрушен Тамерланом. В 1402 г. столица на этом месте возобновлена.

¹⁹ Хорасан («откуда приходит солнце») – историческая область в Восточной Персии. Ранее включала земли, находящиеся на территории современных Таджикистана, Афганистана и Туркмении. В Хорасане были расположены некоторые из главных исторических городов Персии: Нишапур (Иран), Мерв и Санджан (Туркмения), Герат (Афганистан).

²⁰ Хаджи-Тархан – позднее переродилось в Астрахань, устоявшееся название в русском языке с XVII в.

Афанасий поднялся во весь немалый рост и замер, как носовая корабельная фигура, из-под руки рассматривая нечто, не видимое с кормы. Остальные тоже повскакали на ноги, вглядываясь вдаль. Михаил нырнул под палубу и завозился там, что-то выискивая. Хорасанец побледнел так, что сравнялся цветом с русичами, и с отсутствующим взглядом шарил по боку, в том месте, где обычно была рукоять сабли.

– Точно что-то стряслось. – Хитрован подхватил Андрея под локоть, чтоб грузному купцу было ловчее ступать, и подвел к носу. – Что там у вас? – спросил он, пытаясь выплунуть из-за широких спин.

– Татаре вроде, – ответил снизу Михаил, вылезая из люка с пороховыми картузами в одной руке и начиненными каменным крошевом картечи мешочками в другой.

– К добру или к худу? – спросил Хитрован, почувствовав, как прилипает к телу разом пропотевшая рубаха.

– Подойдем – узнаем, – не оборачиваясь, ответил Афанасий. – Уповать надо на лучшее, но готовиться к худшему.

Михаил протиснулся вперед и встал на колени у пушечки. Затолкнул в ствол сначала пороховой заряд, потом мешочек с картечью. Разжег фитиль. Улыбнулся белозубо. «Дорвался до любимой игрушки», – с непонятым раздражением подумал Хитрован, разглядывая впереди темные черточки татарских лодок, направляющихся наперерез их стругу.

– Отвел бы ты Андрея обратно на корму, – сказал Хитровану Афанасий. – Безопасней там. А вы чего столпились? – обернулся он к крестникам и племянникам. – К веслам давайте. Рассаживайтесь, но не гребите, приказа ожидайте. Да ножей и сабель не доставайте, а тем более не размахивайте. И не кричите ничего и даже за борт не плюйте. Не вводите в соблазн.

Шипша подошел, уселся у люка, вытащив из-за пояса саблю и по-турецки подобрав под себя ноги. Закрыв глаза. Не поймешь, то ли молится, то ли готовится к бою, то ли еще что. Хорасанец подозрительно посмотрел на его вислые татарские усы, но не сказал ни слова. Суда сблизилась.

Лодок было четыре. Кое-как сколоченные из разномастных досок посудыны плохо держали курс и переваливались на невысокой волне, как беременные утки. Гребцы остервенело гребли то с правого, то с левого борта плохо вытесанными из цельных досок веслами, пытаясь удержать направление. Удавалось им это не очень хорошо. Над некоторыми в пору было посмеяться, если бы не...

Каждая лодка вмещала в себя по полторы дюжины воинов в коже и мехах, с луками и копьями, не считая гребцов, тоже не безоружных. Расходясь веером, они со всех сторон охватывали тверской струг.

– Попали, кажись? – ни к кому особо не обращаясь, спросил Михаил.

– М-да, не торговать они с нами плывут и не новостями обмениваться, – почесал бороду Афанасий. – Рубиться будем или откупиться попробуем?

– От этих не откупишься, – неожиданно подал голос Шипша.

– Ты их знаешь? – спросил татарина Афанасий?

– Слыхивал, – коротко ответил татарин и поднялся на ноги, держа в руках поблескивающую саблю.

– Так что делать-то?

– Плыть быстрее. Нелься их на полет стрелы потпускать.

– Эй, на веслах! – крикнул Афанасий. – Ну-ка, налягте ради спасения православных душ.

Гребцы опустили лопасти в воду. Струг рванулся вперед, зазвенела оснастка, заскрипели доски днища. За кормой вспенилась и закипела вода. Увидев, что корабль прибавил ходу, татары на лодках заорали, вздели копья, замахали кривыми саблями, натянули луки. Первые стрелы легли далеко от борта, но расстояние неумолимо сокращалось.

– Вот черти, – не то с уважением, не то с досадой произнес Афанасий, глядя, как отчаянно несутся по волнам кривобокие лодки, как остервенело работают веслами полуголые гребцы, как скалятся лучники, вновь натягивая короткие луки.

– Щитами прикрывайся, – бросил он, не оборачиваясь.

Те, кому не хватило места у весел, расхватали заранее поднятые из трюма деревянные щиты и подняли их, заслоняя гребцов.

Несколько стрел глухо ткнулись в окованные железом круги и посыпались за борт, убойной силы в них все еще не было.

– Эй, Мишаня, а ну, пужни их. Авось отстанут.

Михаил улыбнулся, развернул пушечку и вдавил фитиль в запальное отверстие. Сырой порох зашипел. От грохота заложило уши. Нос струга вздрогнул, окутался клубами сизого дыма. Горячее крошево картечи взбило фонтаны воды перед самым носом одной из лодок. Оттуда донеслись крики ярости и злости, новый дождь стрел осыпал тверской корабль. Одна воткнулась в мачту, другая оцарапала руку гребцу. Тот вскрикнул, выпустил весло.

– Заряжай! – заорал Афанасий.

– Да заряжаю уже, – сквозь зубы процедил Михаил, заталкивая в жерло орудия новый мешочек с камешками.

Не дожидаясь приказа, он выпалил. Заряд лег кучно. Перед носом ближней лодки встал столб воды.

– Миша, не время пужать уже! Насмерть пали! – вскричал Афанасий.

– А я как палю? – прошипел Михаил, заталкивая в пушку новый заряд и обжигаясь о горячий ствол. – Подвинься, Афоня, простор загородил.

Купец шагнул в сторону. Пушка рывкнула у самых его колен, выбросив в сторону преследователей огненный хвост. Ближайшая лодка расцвела кровавыми хризантемами, лепестки которых мешались с вырванной из досок щепой. Люди горохом посыпались за борт. Поплыли по воде алые пятна и шерстяные клочья, вырванные из татарских одеяний.

– Попали! Попали! – заорал кто-то.

В ответ волжский простор огласился звериным ревом с лодок. В воздух взвился рой стрел.

– Ну вот, – покачал головой Андрей, прислушиваясь к стуку наконечников, впивающихся в доски борта с той стороны, – теперь они нас точно убьют.

– Если догонят, – засмеялся Хитрован, нервно покручивая в руках длинный тонкий кинжал. На мгновение он высунулся из-за прикрывающего его щита и, приложив открытые ладони пальцами к вискам, высунул язык.

Татары ответили злым воем.

– Гузно бы им еще голое показал, – буркнул Андрей, пряча в бороде улыбку.

– Страшно, – улыбнулся в ответ Хитрован. – Вдруг стрела попадет.

– А за голову, значит, не страшно? Ну да, все равно без пользы приставлена, – беззлобно пошутил Андрей и, уже не таясь, улыбнулся.

Хитрован засмеялся в ответ, чуть нервно, но от души.

Афанасий глянул на недалекий берег. Близо, конечно, но не так опасно. Глубины хватает, мелей не видать. Да и лодки, почувствовавшие на себе мощь порохового оружия, теперь держались на почтительном расстоянии. Правда, не переставали осыпать струг дождем стрел, но с такого расстояния они уже не несли уцерб. Почувствовав, что уходят, тверские гребцы налегли с удвоенной силой, посылая смешки и шуточки в сторону незадачливых преследователей.

– Нешто прорвались, Афоня? – спросил Михаил.

– Похоже, только вот...

Лодки, держась ближе к корме, чтоб не попасть под случайный выстрел, осыпали купцов стрелами. Но не приближались. Висели, как гончие на пятках медведя. Будто гнали... На мель?! У Афанасия все похолодело внутри.

– Стой на веслах! – заорал он, что было мочи. – Лево руля. Правый борт налегай. Левый табань! Скорее, братцы!

Струг лег набок, опасно кренясь бортом к воде. Килевая доска с противным скрежетом проехала по донному песку. Но не зацепилась, корабль птицей рванулся вперед. Державших щиты повалило друг на друга. Татары, поняв, что их маневр разгадан, завыли и налегли на весла.

– Ну вот, теперь сечи не избежать, – грустно покачал головой Андрей и извлек откуда-то из-за спины двустороннюю секиру на ухватистом топориче.

– Левее, левее закладывай! – закричал Афанасий.

Парус захлопал на встречном ветру, тормозя струг.

– Парус сворачивай!

Несколько племянников бросились к мачте, потянули за канаты. Парус нехотя пополз вверх, гармошкой собираясь у единственной реи. Освободившийся от сопротивления корабль скакнул вперед.

– Афоня, ты чего удумал-то? – недоуменно уставился на него Михаил.

– Пушку заряжай! – рявкнул тот в ответ.

Кренясь к воде, корабль развернулся почти на месте. Нос оказался прямо напротив крайней лодки.

– Пли!

Михаил вдавил фитиль в запальное отверстие. Пушка выплюнула столб огня и дыма. Заряд попал под днище. Лодка подскочила из воды на поларшина и завалилась набок. По воде поплыли бритые налысо головы. Давя и разбрасывая их в стороны, как спелые арбузы, струг прошелся поверх. Хрустнули под носом остатки лодки.

– Так их! Ату! – закричали русичи.

Татары ответил новым залпом. Один из племянников схватился за пробитое горло, захрипел, выпал за борт.

– Разворачивай! – заорал Афанасий. – Щиты на левый борт.

Молодые парни с грохотом перекинули деревянные заслоны, прикрывая гребцов. Те налегли на весла. Рассекая форштевнем клубы порохового дыма, корабль заскрипел в крутом развороте.

– Как пушка? – спросил Афанасий. – Не разорвет?

– Хорошо! – заорал в ответ Михаил, которому от грохота заложило уши. – Ствол держит. Только зарядов на три выстрела осталось.

– Ниче, хватит! – оскалился Афанасий в хищной ухмылке. – Только целься лучше!

Прищурив один глаз, Михаил склонился над стволом, ожидая, когда его линия совпадет с бортом или кормой ближайшей лодки. Татары, поняв, чем им грозит этот маневр, бросились наутек. Но куда было непривычным к веслам кочевникам на утлых суденышках убежать от ходкого корабля с опытной командой! Струг неумолимо приближался, заходя по широкой дуге.

Не дожидаясь приказа, Михаил выпалил. Картечь впиалась в корму ближайшей лодки, разметав ее в щепу. Вода хлынула внутрь. Посудина стала тонуть, задирая нос. Татары попрыгали за борт, на ходу сдирая с себя шкуры, чтоб мокрое не утащило на дно.

– Упреждение небольшое бери, – бросил Афанасий.

– Понял уже, – ответил Михаил, забивая в ствол очередной заряд.

– Добьем, Афоня?! – крикнул от руля Хитрован.

– Бог с ними! Теперь перестанут на реке шалить, авось и детям накажут! – засмеялся Афанасий. – Да и корабль повредить можно, днище-то у нас и так камнями траченное. Гоним последнюю!

Корабль снова перевалился на другой борт, заходя для последнего выстрела. Купцы со щитами перебежали ближе к носу, хотя надобности особой не было. С последней лодки уже никто и не думал стрелять. Воодушевленные гребцы затянули веселую песню.

– Ну, готовьтесь, басурмане, к встрече с Аллахом своим! – пробормотал Михаил, поднося фитиль к запальному отверстию.

Тревожные возгласы позади заставили его оторваться от прицела и обернуться. Обернулся и Афанасий. И обомлел. Из-за косы, к которой они опрометчиво приблизились, догоняя последнюю лодку, выходила галера. Раза в полтора длиннее и тяжелее их струга. Серая, приземистая, быстрая и опасная, как акула в поиске. Замерла на носу abordажная команда.

Два ряда весел по бортам ритмично поднимались и опускались, паруса были убраны. Солнце тускло поблескивало на длинном бушприте с острием тарана, обшитого блестящей латуной. И это острие было направлено прямо в борт их корабля. Столкновения было уже не избежать. Засада! От неожиданной напасти купцы, уже почувствовавшие себя победителями, растерялись. Замерли в оцепенении.

– За борт, православные! – крикнул Афанасий. – К берегу плывите и в лес. Кто потеряется, идите...

Тяжкий удар в борт не дал ему договорить. Хрустнули сломанные весла, затрещала вспарываемая обшивка. Мачта переломилась у основания и стала падать, утаскивая за собой паутину такелажа. Оборванные канаты захлестали вокруг ногайскими плетками. Рея оборвала крепеж и рухнула вниз, насквозь пробив многострадальный корпус. Пушечка покати-лась назад, чуть не отдавив Михаилу ноги.

Таран почти пополам рассек струг, подминая под нос галеры его половинки.

Афанасия бросило спиной на ограждение, от боли потемнело в глазах, вышибло дух. Он упал на колени, покатился по кренящейся палубе, цепляясь руками за края вывороченных из настила досок. Ударился боком о пенек сломавшейся мачты, скользнул дальше, прямо под ноги визжащих татар с кривыми саблями для ближнего боя и баграми, чтоб добывать упавших в воду. Татары замерли в нерешительности. Этого мгновения хватило Афанасию, чтоб плотннуть воздуха и перевернуться на живот.

На четвереньках, почти ползком вскарабкался он на задранный кверху нос корабля. Басурмане его не преследовали, лишь пара сабельников чуть выдвинулись, окружая место разлома. Остальные, держась за веревки, привязанные где-то на носу галеры, быстро и деловито вычищали обнажившийся трюм, пока забортная вода не успела попортить товар. Где-то за краем разорванной палубы вспыхнула сеча. Сталь зазвенела о сталь, хрустнули разрубаемые кости. Послышались крики и стоны. Те же, кто грабил трюм, не обратили на схватку никакого внимания. Не тратя на купцов ни стрел, ни внимания, вытащили последний мешок и ловко взобрались по веревкам обратно. Послышалась гортанная команда, весла опустились и задали галере обратный ход. Дерево закрипело по дереву, таран с хрустом вышел из проделанного им отверстия. С тихим печальным вздохом в опустевшее нутро корабля хлынула вода.

Струг не выдержал и развалился. Корма отскочила, перевернулась и разом ушла под воду, выпустив на поверхность россыпь воздушных пузырей. Освобожденный от груза нос хлопнулся обратно, подняв фонтан брызг, и стал медленно погружаться, сохраняя почти горизонтальное положение.

Афанасий, которому, чтобы удержаться на скользких досках, пришлось скрючиться, хватаясь за край борта, выпрямился. Огляделся. Течение медленно сносило вниз огромное шевелящееся пятно, состоящее из непонятного мусора, разбитых досок, обрывков снастей

и голов, не поймешь, где русских, где татарских. Вокруг корабля никого не осталось. Слава богу, если дернули к ближайшему берегу, а не плывут сейчас по течению.

Галера, обходя тонуций остов, пошла собирать что получше сохранилось и вытаскивать своих, а может, и топить русичей. В отместку.

Купец погрозил кулаком ей вслед, сплюнул со злости и стал безразлично смотреть, как плевок растворяется в темной воде, которая медленно, но неумолимо приближалась к его сапогам. Вдохнул. А ведь и вечер уже. Сколько ж эта катавасия длилась, что смеркаться начало?

– Эй, Афоня, ты? – донеслось вполголоса.

– Я, – ответил он так же тихо, вертя головой и пытаясь отыскать источник звука.

– Тонуть вместе со стругом собрался?

– Мишка? – узнал Афанасий. – Ты где?

– Где-где... В воде.

– Мишка! Живой! – обрадовался купец, наконец углядев над водой голову друга.

– А чего мне сделается-то? И не в таких передрыгах выживали. Ладно, прыгай давай, пока эта лохань не утонула совсем и нас с собой не утащила, да к берегу поплыли. Я там наших человек восемь собрал. Сидят в кустах, обсыхают, да и нам не грех.

– А остальные?

– Про остальных не знаю, может, вылезли дальше по течению, может, погаными полонены, а может... Слушай, ныряй уже да поплыли, на берегу поговорим.

– Да я это... Не могу.

– Что не можешь? Нырять? – удивился Мишка, он-то чувствовал себя в воде как черноморская дельфин-рыба.

– Нырять могу. Плаваю как топор, – покачал головой Афанасий.

– Так доску какую оторви, вон их вокруг сколько.

– Да я это...

– Воды боишься? Ох, огорчение! – вздохнул Михаил. – Так вода тебе уже, почитай, по колено. Как до пояса дойдет, толкайся вперед, будто на бабу прыгаешь, да знай руками и ногами по воде, да не колоти, а как собака, под себя греби. А я тебя под пузо поддерживать буду. Враз научишься.

– Да я это...

– Афоня, у тебя дома мать, сестры на выданье, долги. Да не кому-нибудь, а князю самому. Если ты тут утонешь, думаешь, он им простит?

– Ну, я...

– Сигай, говорю! – рявкнул Михаил.

Афанасий со всей дури оттолкнулся от ушедшего на аршин под воду борта и замолотил руками что было сил.

– Тише, тише, под себя загребай, – увещевал над ухом голос Михаила. – Держу я тебя. Чуешь?

Почувствовав руку Михаила, купец поплыл спокойнее. Дыхание выровнялось. Руки и ноги сами нашли нужный ритм. Тело, чуть не задубевшее поначалу, начало согреваться. Кровь веселее побежала по жилам. Он даже начал чувствовать в плавании некоторое удовольствие.

– Вот и молодец, сам почти плывешь, – похвалил Михаил. – Теперь я тебя отпускаю.

Афанасий понял, что остался с водой один на один. Накатила паника. Бездна под ногами разверзлась, и оттуда волной хлынул темный страх. Он заорал, забился в тисках скользящего его страха и камнем пошел на дно.

До дна оказалось не больше чем пол-аршина. Извалявшись в грязи и вдоволь нахлебавшись тины, Афанасий вскочил на ноги и чуть не с кулаками бросился на стоявшего рядом Михаила. Тот уперся ладонями в грудь наседающему купцу.

– Тише! Тише ты, медведь, покалечишь, – выдал он сквозь душивший его смех.

– Да как ты мог? А еще друг называется! – рычал Афанасий.

– Всех так плавать учат, – смеялся Михаил. – И ты, вон, научился. Спасибо должен мне сказать, а не в драку.

– Да какое спасибо?! Я чуть не утоп. А тут курице по колено. Обидно.

– То да, – наконец успокоился Михаил. – Но допрежь того саженой тридцать сам проплыл, я тебя поддерживать еще на полдороге бросил.

– Ах ты ж... – снова начал яриться Афанасий, но остыл, успокоился. – Это, говоришь, сам я саженой тридцать проплыл?

– Может, и поболее. Эвон где корабль-то на дно ушел.

– М-да, корабль, – вздохнул Афанасий.

Оба купца приуныли. Деньги, отданные за струг, теперь на дне Волги, товар частью утонул, частью попал в лапы к разбойникам, люди...

– А где наши-то? – прервал тягостное молчание Афанасий.

– Да тут где-то я их оставил! – ответил Михаил и крикнул негромко: – Эй, народ, где прячетесь?

– Тут! Тут мы! – донеслось из темноты так же негромко.

Друзья пошли на голос и скоро наткнулись на ложбинку, в которой затаились спасшиеся. Афанасий с радостью узрел Хитрована и Андрея живыми и, похоже, невредимыми. Он обнялся с каждым поочередно, похлопал крестников и племянников по влажным на плечах рубахам и присел в тесный кружок. Кто-то из молодежи сохранил на поясе кожаный мешочек с приспособлениями для добычи огня. Надрвав сухой травы, разложил ее рядом с кремнем, стукнул по нему кресалом. Искры упали на траву, появился сизый дымок. Склонившись всем миром, подули осторожно. Заплясало на пучке озорное пламя. Его бережно перенесли на подготовленную растопку. Потянулись к костерку заочневшие руки, отозвались тяжелым мужским духом просыхающие сапоги.

Небо, затянувшееся было тучами, очистилось. Серп молодого месяца повис над головами неприятным напоминанием об иноверцах. Крупные холодные звезды уставились с небосвода, будто чего-то ожидая.

Первым затянувшееся молчание нарушил Андрей.

– Таки не задалась поездочка, – вздохнул он.

– Да, потеряли товар. И сами голы, да босы, да неизвестно где, – поддержал его Хитрован.

– Чего ж неизвестно? Известно. На Волге мы, верстах в двадцати от Хаджи-Тархана, правда, на другом берегу, по течению судя, но это уже ерунда. Рассветет, туда пойдем, – сказал Михаил.

– И что там делать будем?

– К Касим-султану наведемся. Почто беззаконие чинить позволяет, спросим. Товар обратно потребуем, – ответил Михаил.

– Так от тебе и отдал, – покачал головой Андрей. – Не без его ведома те татары на нас напали, да и откуда у кочевников быть галере венецианской постройки, как не от хана самого?

– Не хана то люди были. Кайтаки скорее, а они Ширвану подчиняются.

– Это Шипша-гад на нас разбойников навел, – окрылся Хитрован. – Он всю дорогу на берегу с кем-то разговоры тайные вел.

– На Шипшу не клевети, – одернул его Михаил. – Он честно сражался. Пока все за борт сигали, с саблюкой малой на разбойников кинулся. Две стрелы на моих глазах принял. Честный был купец. А галеру и угнать можно, у того же Касим-султана.

– Прав Михаил, не след нам в Хаджи-Тархан соваться. Если замешан Касим в разбое, сам нас порешит по-тихому, чтоб не трепались. У разбойничков соглядатаи везде. На базарах, в заведениях едальных, просто по деревьям. Если прознают о том, что мы идем правды искать, точно прибьют. Да бросят в степи воронам на съедение. Нет на них управы, – грустно подытожил Афанасий.

Купцы, грустно покивав головами, согласились. Затихли.

– А Мехметка где? – спохватился он.

– За борт он упал, видел я, – откликнулся кто-то из племянников. – Наверное, утоп али в полон попал.

– Ежели в полон попал, то вывернется, умен. А вот ежели утоп...

– Чего о персе горевать, впору о себе думать. Что делать-то будем? – не выдержал кто-то.

– Надо к самому Ширван-шаху в Шемаху²¹ подаваться, – сказал Михаил. – Только он наша надежа.

– Это почему еще? При чем тут сиятельный Фаррух²², царь шемаханский?

– А вы тех людей на галере разглядели?

– Нет, не разглядели. Не до того было, чтоб их разглядывать, животы спасали, – понеслось со всех сторон.

– А я вот разглядел. Не татаре то были. Не похожи они на ордынцев ни одежей, ни ликом, ни оружием. На кайтаков смахивают.

– То-то я удивился, – припомнил Афанасий, – клинки у них тоньше, длиннее, и изгиб не тот. Еще подумал, что у османов они те клинки взяли, а оказывается, могли сами отковать. Они там умеют. А что их в Волгу-то занесло?

– А черт их знает. Наверное, промысел разбойный, а может, просто торговать ходили в Орду или с поручением каким. Возвращались, увидели нашу зарубу с татарами местными, да и решили случаем воспользоваться.

– Выходит, татаре нас травили, а кайтаки поймали?! – хлопнул себя по колену Хитрован и засмеялся. – В засаде, значит, сидели, пока мы друг друга грызли, а потом, когда оба ослабли, из-за косы-то и выскочили... Ой, не могу! – Купец смеялся, по-козлиному тряс бороденкой и дергаясь всем телом.

– Сложно как у них все. Тут Большая Орда, там Ногайская, тут кайтаки, там команы. Чуть оступился, в соседнее княжество ногой попал, – молвил кто-то из племянников.

– А у нас что, по-другому? Ростов, Ярославль, Москва, Тверь – как одеяло лоскутное, все поделено, и за черту ступить не моги, прибьют. А народ-то один, – возразил Андрей.

– Тебе в Эфиопию надо, – опять засмеялся Хитрован, но уже потише. – Там все на одно лицо, черные, как сажей вымазанные, и просто-о-о-ор. Жарко только до невозможности.

– Не отвлекайтесь, православные, – вернул их к действительности Афанасий. – Что решаем? В Шемаху идти?

– Там и посол есть, Василий Панин. Самим Иваном Васильевичем отправленный. Пусть он за нас пред Ширван-шахом стоит, за товар наш да за друзей плененных похлопочет, – добавил Михаил. – Для того и поставлен.

– Так он же московский, – котом зашипел Хитрован.

²¹ Шемаха – с VI в. столица Ширвана. Шемаха располагалась на «шелковом пути», в месте, где сходились караванные дороги, соединяющие Азию и Европу.

²² Фаррух Йасар I – последний из великих Ширван-шахов. Наладил тесные дипломатические отношения с Османской империей и Россией.

– То да, московский, – кивнул Михаил. – Да только мы ему должны милее быть, чем басурмане.

– Должны-то должны, да как на деле сложится? – покачал головой Андрей. – С Москвой нонеча не все так просто.

– Как бы ни сложилось, терять уже нечего, – вздохнул Афанасий.

– Это вам, босякам, терять нечего, – возразил Хитрован. – В долг живете. А у некоторых в Твери еще товар остался, деньги и хозяйство в порядке. Есть за что побережесь.

– Ну, а ты, Андрей, что скажешь? – спросил Афанасий.

– Мне б тоже уже на печку, кости старые греть. Только начали мы путь вместе, вместе его и заканчивать. Давайте пойдем до Шемахи, поговорим с Василием, челом Фарруху Йасару ударим. Поможет он нам товара вызволить хоть часть – продадим и вернемся в Тверь. Нет – так попросим у Хитрована в долг на дорогу обратную. Все равно отсюда до столицы ширванской ближе, чем до дому. Да не куксись ты, Хитрован, свои ж люди – вернемся, отдадим.

– А как пойдем? – спросил Хитрован, делая вид, что предложение Андрея его несколько не расстроило. – Сушей али водою?

– Сушей трудно, горы скоро начнутся. Чтоб их перевалить, время нужно, да еда, да вещи теплые, а на нас только рубахи, считай. Днем еще ничего, а ночами померзнем, – ответил Михаил, который, как оказалось, хорошо знал эти края.

– Корабля дожидаться будем?

– Если кто из наших уцелел, – взял слово Андрей, – весть о том, что шалют под Хаджи-Тарханом, уже разнеслась по округе. А даже если не уцелел, все равно разнеслась. Вынесло на берег обломки да тела мертвые. Такое не спрячешь. Значит, суда отстаиваться будут, в караван собираться большой, чтоб отпор можно было дать в случае чего.

– Ден семь проваландаемся, не меньше, – согласился Хитрован. – Да и возьмут ли на борт за спасибо? Денег-то кот наплакал.

– Вот если б лодку... – предложил Михаил. – Десятивесельную, например. Все сядем да подналяжем дружно. Нас не то что лодки, галера – и та не догонит. На такой и в море выйти можно. Если в виду берега держаться и вдаль не отплывать...

– Ишь размечтался, – бросил Хитрован. – Где ты такую посудину возьмешь?

– Тут люд хоть и кочевой, а к реке близко живет, и море рядом. Если по берегу пошукать, наверняка такую отыщем, – пробормотал Михаил.

– А кто тебе ее даст? – сварливо поинтересовался купец.

– А кого я спрашивать буду? Срежу, и все дела.

– Как бы голову не срезали за такое озорство, – вздохнул Андрей.

– Семи смертям не бывать, одной не миновать. Да и все веселее, чем причитания тут ваши слушать. Пойду на поиски, пока рассвет не пришел. – Михаил вскочил, поправил на боку чудом сохранившуюся саблю и начал карабкаться на склон.

– Погоди, я с тобой! – воскликнул Афанасий, спешно натягивая ссохшиеся до хруста сапоги.

– Надо оно тебе? – спросил Михаил, уже возвышаясь над краем лощины.

– Ты со мной в деревню за товаром пошел, теперь я тебя одного не отпущу.

– Они пушечку мою любимую умыкнули, как было не пойти? – улыбнулся Михаил, помогая другу выбраться из лощины.

– Куда пойдем-то – вниз по течению али вверх?

– Да тут куда ни пойдешь, везде земли татарские. Лодку днем с огнем не сыскать. Боюсь, мы сегодня весь их флот, какой был, до самого моря перетопили.

– И поделом.

Михаил кивнул, соглашаясь.

– Так пойдем-то куда? – снова спросил Афанасий.

– А давай вверх? По течению спускаться легче, ежели лодку найдем.

Друзья повернули в нужную сторону и пошли шагом бывалых ходоков, держа спины ровно, согнув руки в локтях и ступая вначале на пятку, затем перенося вес на носок. Под ноги они не глядели, зная, что чутье само пронесет мимо ям и колдобин, а вот если глядеть, свалишься неминуемо. Любой, кто попробовал бы идти с ними рядом, в едином ритме, скоро отстал бы и задохнулся, корчась от колющей боли в правом боку, но некому было составить им компанию. Берег был пуст и безжизнен.

– Слушай, Афоня, – Михаил нарушил затянувшееся молчание. – Эвон уже сколько отмахали, а жилья нет как нет.

– Ну? – откликнулся тот, сохраняя ровность дыхания.

– Ты не помнишь, мы мимо деревень каких не проплывали?

– Нет, – ответил Афанасий.

– Что нет? Не проплывали или не помнишь? – спросил Михаил и остановился.

– И то и другое нет, – ответил тот, поворачиваясь к другу. – А ты отчего дерганый такой? Гнетет тебя что?

– Не гнетет, с чего ты взял, передряги эти просто... Устал.

– Гнетет, я ж вижу. И удивляюсь. Ты купцом не первый год ходишь, всякого навидаться да натерпеться уже должен был...

– Тш-ш-ш. – Михаил приложил палец к губам. – На потом исповедь оставим. Слышишь, вроде скотина какая-то?

– Скотина? – Афанасий прислушался. – Да, кажись, мычит кто-то. А звук откель?

– Да вот вроде отседа. – Михаил флюгером развернулся вслед за своим вытянутым пальцем.

Они поспешили в ту сторону, стараясь не очень высовываться над чахлыми кустами, коими густо зарос весь берег. Как знать, может, дозор стоит?

Вдалеке между деревьями мелькнули тусклые огоньки. Друзья остановились, замерли, вглядываясь, вытянув шеи, как суслики. Разглядели наскоро вбитые в землю столбы с площадками, в которых тлели неяркие огоньки. Десятка три крытых войлоком повозок на огромных деревянных колесах без спиц. Они стояли рядами и образовывали некое подобие улиц, где шатры над повозками были как бы жилыми домами, а те, что со скарбом, – вроде сараев и заборов. В центре этого «городка» была площадка, на которой горел большой костер. Вокруг бродили смутные тени, не иначе стража.

Внутри некоторых войлочных хижин горели очаги, выбрасывая сквозь круглые отверстия в потолке струйки белесого дыма, вынося оттуда запахи жареного мяса. У купцов, не отведавших с утра маковой росинки, забурчало в животах.

Невдалеке они углядели стадо выпяженных из повозок быков с огромными кривыми рогами и горбами сала на загривках. А где-то невдалеке блеяли невидимые в темноте овцы. Похрапывали лошади. Кудахтали куры в специальных садках, притороченных к задкам иных телег. По меркам кочевников, это было очень большое стойбище.

– Опять попали, – грустно произнес Афанасий. – Обходить этот ползучий хлев опасно, наверняка какая-нибудь гадкая овца шум поднимет. А собаки? Где овцы, там и собаки ведь?

– Не, – ответил Михаил. – Татары собак любят. Но по-своему. Как изловят, сразу в котел. Но овцы те не хуже собак: если чужого учуют, такой шум поднимут, только держись. Ну? Возвращаться?

– Пока до наших доберемся, рассветет. А с восходом и татары в путь двинутся. Как раз на нас вый дут.

– Уходить надо. Только они быстро идут. На конях да на повозках, быками запряженных, а мы от них пешедралом, – зло сплюнул Михаил.

– А может, спрячемся где?

– Не выйдет. Они овец полумесяцем пускают. Те объедают все, что на пути встретят. Травы вообще не остается, кусты голые, как после зимы стоят. Там нас вмиг узрят.

Афанасий задумчиво сорвал с ближайшего куста клейкий молодой листочек. Покатал его в пальцах.

– Выходит, уходить надо от берега? В горы?

– Пожалуй. Если поймут, прирежут да собакам скормят, а то и сами не побрезгуют.

– А чего ж их сюда занесло-то? – изумился Афанасий. – Тут особо кочевать негде, не степи.

– Может, недород какой в верховьях вышел или снег поздно сходит, вот и тронулись вниз по реке – травки свежей искать. Овцам-то не объяснишь, что надо пояс потуже затянуть. Они не пожрут, так сдохнут. Чувствую, и я сдохну, если не пожру, – вздохнул Михаил.

– Слушай, друже, – не обращая внимания на его стенания, пробормотал Афанасий, – а смотри-ка, сколько дерева у них. Видать, и правда они в местах, ближе к лесам лежащих, обрелись.

– Ну?

– Если пару повозок умыкнуть, так их разобрать можно да плот сладить. Да на том плоту вниз и спуститься. Я прикидывал связать из обломков струга, что река на берег вынесла, но там щепы, а тут доски крепкие. Раздербаем, лыка надерем, свяжем, и в путь. Ежели вдоль берега, и палки хватит, чтоб от мелких мест отталкиваться.

– Удивляюсь я тебе, Афоня, – пробормотал Михаил. – Вроде обычный мужик. Как все. Здоровый, конечно, как медведь, но и поздоровее видали. А вот как придумаешь что, так хоть стой, хоть падай.

– Ты это в каком смысле? – обиделся купец. – В худом?

– Наоборот, – усмехнулся Михаил.

– За то, что Бог дал, не хвалят, – невидимо в темноте зарделся польщенный Афанасий.

– Не в Боге дело. Он в тебя только искорку вложил, а огонек из нее ты уж сам раздул, опытом своим, усердием да ума востростью.

– Хватит уже, – оборвал его Афанасий, тыкая пальцем в темноту. – Видишь, там, с краю, телеги кучей стоят? Те, что к воде ближе...

– Вижу, – проследил за указующим перстом Михаил.

– Большинство маленькие, со скарбом, а вот та одна большая. Видать, жилища, только войлок снят. Для починки или еще для чего в сторону отогнана. Если ее одну в воду скатить, так и хватит.

– Силенок у нас маловато. Здорово больно.

– Главное – с места столкнуть, потом сама пойдет. Ну, и мы подналяжем, сам же говорил, здоровы как медведи.

– Я только про тебя говорил. – Михаил задумчиво расчесал пальцами порядком отросшую бороду.

– Теперь, Мишка, я тебе удивляюсь. Хвалишь ты меня за востроту ума и смекалку, хвалишь, а как до дела, так в кусты?

– Афоня, – протянул тот удивленно, – к татарам в стойбище лезть – это как самому на плаху голову сложить и палачу знак подать – руби, мол.

– Да, может, так и лучше, чем бегать зайцами от охотника.

Михаил в ответ только махнул рукой.

Друзья спустились к воде и направились в сторону лагеря по узкой полоске речного песка. Остановились около тропы, вытопанной в прибрежной растительности. Люди с ведрами и голодные животные не только выбрали здесь всю траву до мельчайшей былинки, но и содрали слой земли до самого песка. Михаил приподнялся, стараясь разглядеть, что про-

исходит в лагере. Афанасий положил на макушку друга огромную ладонь и пригнул его к земле.

– Дура, – с расстановкой, как дитяте малому, пояснил он, – если смотришь из кустов, не поверх башку высовывай, а сбоку. Не то торчит, как чучело в поле.

– Не подумал как-то, – потер гудящую шею Михаил.

– Давай так сделаем. Я иду в лагерь, отвязываю телегу и качу к воде. Ты затаиваешься тут с саблей и рубишь всякого, кто за мной увяжется. Потом залезаем и сплавляемся на ней по течению.

– Ты один такую уволочешь? – усомнился Михаил, но больше для порядку. Ему очень не хотелось приближаться к татарскому лагерю – знал, чем кончиться может.

– Выхода нет, – усмехнулся Афанасий. – Жди.

Он пошел к лагерю, стараясь держаться края обглоданной растительности. Михаил остался один. Сначала он видел силуэт друга на фоне неярко света костра, потом потерял. Временами ему казалось, что он видит перебегающую от кочки к кочке тень, временами думалось, что это морок.

Его начали донимать комары. Зачесалась спина, причем как раз в том месте, где не достать. Захотелось по-маленькому. Да ведь нельзя – в татарском лагере в любой момент может начаться переполох. Хорош же он будет со спущенными штанами! Чтоб как-то отвлечься, он присел, разминая ноги. Переложив саблю в другую руку, покрутил кулаком, сжал-разжал пальцы. Ногтем проверил заточку и острие своего оружия.

За этими-то занятиями он и упустил самое начало представления.

Только что было тихо и темно – вдруг стало светло и громко. Закричали люди, замычали и завозились животные, что-то грохнуло, сломалось, повалилось. Кто-то закричал. Небольшой костерок вспыхнул чуть не до неба, будто кто уронил в него старую рубаху и та занялась. В следующий момент он увидел, как к берегу катится двухколесная арба с белым шатром для пожитков сверху, а за ней бежит Афанасий, ухватившись могучими руками за оглобли и толкая ее вперед себя.

Лицо друга было перекошено от натуги. Рот оскален. Бородачи и волосы развевались по ветру, могучее тело рвалось из рубахи внушительными буграми, перевитыми узлами жил. А за ним, на фоне освещенного как днем стойбища, закипала погоня. Мужчины в халатах и маленьких шапочках сбивались в плотную кучу, готовую в любой миг плеснуть в беглецов брызгами сабель и стрел.

Не помня себя, Михаил выскочил из кустов и замер, сжимая в руке кажущуюся игрушечной против такой мощи саблю. Афанасий, надсадно дыша, пронесся мимо. Подняв тучу брызг, арба въехала в воду и засела колесами в придонном иле.

– Помогай давай! – Хрип купца перерос в крик.

Татары наконец определились с вожаком, заорали, бросились за угоняемой собственностью. Михаил кинул саблю в ножны и с разбегу плечом ударил в борт. Колеса провернулись на четверть оборота.

– Еще! – прохрипел Афанасий. – Еще четверть.

– Не идет, собака! – заорал в ответ Михаил, хотя ухо друга было от него в полуаршине.

– На раз-два! – скомандовал Афанасий. – Раз-два.

Они налегли вдвоем. Арба затряслась, колеса закрипели на несмазанных осях и провернулись еще на пол-оборота. Потеряли сцепление с илом. Утопая ногами в податливой жиже, друзья побежали по дну, выталкивая неподатливую телегу на глубину. Татары достигли берега. Размахивая факелами и крича, остановились у самой воды. Конечно, они и пили, и даже мылись изредка, но входить в нее считали чем-то святотатственным.

Дно ушло из-под ног Михаила, темные воды сомкнулись над головой. Высокий Афанасий подхватил его за шкуру и вытянул, кашляющего и отплевывающегося, на доски

настила. Поднатужившись, выпрыгнул сам. Тут же вскочил, глядя на берег. Татары все так же гурьбились там, крича и размахивая саблями, но в воду не шли.

– Вот и славно, – улыбнулся он, выдирая из бороды тину. – А смотри-ка, плывет это корыто, даже и без нашей помощи.

Михаил тоже поднялся. Показал суетившимся на берегу татарам кукиш и с удивлением оглядел новый ковчег. Двухколесная телега, называемая арбой, была размером с огромный стол. В центре – шатер из войлока, пропитанного скисшим кумысом и затвердевшего, как мрамор. Примерно сажень в поперечнике. До бортов еще по два локтя свободного пространства, до носа и кормы – высокому мужчине в полный рост уместиться. Бортик в ладонь высотой, сделанный, чтоб ничего при тряске не вывалилось, ограждал их и от забортной воды. Длинные оглобли давали дополнительную устойчивость.

– Да уж, – почесал Михаил в затылке, не зная, что и сказать. – Вот бы не подумал... А татары-то...

– М-да, – промычал Афанасий. Ему слов тоже не хватало.

Арбу медленно относил от стойбища. Татары на берегу замолкли, будто смирились с потерей. Отошли от берега. А вскоре из виду пропали и огоньки стойбища.

– Спаслись, выходит? – спросил Михаил.

– Выходит, так, – лениво ответил Афанасий, все силы которого ушли на совершение подвига, достойного античного Геркулеса. Он растянулся на палубе и завел руки за голову.

– До своих доплывем, заберем их да к морю Дербеньскому направимся. Дотудова это корыто нас домчит точно, особенно если весла да руль справить.

– Ага, – ответил Афанасий.

– Теперь детям сможем рассказывать, как на телеге по Волге плавали. Вот потеха-то будет! Не поверит небось никто.

– Ага.

– Ежели она такая ходкая, так, может, и дальше, до самого Ширвана, пойти можно, – от пережитого нервного напряжения у Михаила открылось словотечение. Он говорил и не мог остановиться. – А потом, может, и дальше, в какой-нибудь город хорасанский. Я всегда в Кабуле побывать мечтал. Почему нет?

Афанасий неожиданно посерьезнел, приподнялся на локте. Поднял руку, призывая друга замолчать. Тот оборвал свою тираду на полуслове и проследил за взглядом купца. На берегу, среди высокой травы, горел огонек, будто кто-то запалил поминальную свечку. Огонек покачался в воздухе, разделился на два, на четыре, восемь, дюжину, и скоро берег стал напоминать пасхальную службу под открытым небом. Михаил вытаращил глаза от удивления.

Огоньки еще покачались, выстроились в почти ровную линию, взлетели, как отпущенные на свободу голуби, и понеслись к плоту. И только тут Михаил понял, что это за напасть.

Горящие стрелы дождем посыпались купцам на головы. Большинство упало в воду и потухло, зашипев и выбросив облачко пара. Несколько воткнулись в борт и остались гореть, не поджигая сырую древесину. Одна пронзила материю шатра. Вокруг нее тут же начало расти черное пятно гарева, по краям которого опасно набухали малиновым озорные огоньки.

Оказывается, кочевники пошли за ними вдоль берега и, выбрав удобное место, решили если не поймать, так хоть сжечь. Только как же они не потерялись-то? Ах да, белый шатер!!!

Афанасий вскочил на ноги, рванул белую тряпку. Та затрещала, поползла в сторону, ломая прутья каркаса. Михаил затоптал куски горячей пакли с торчащих из палубы стрел и помог другу. Со второй попытки им удалось сломать поддерживающие ткань жерди шатра.

– За борт их! – крикнул Михаил.

– Стой, они снова метят!

Михаил замер, оглянулся. Огоньки разбегались по берегу, как и при первом залпе. Выстроились в линию, поднялись. Три дюжины горящих стрел рванулись к цели. Купцы подняли смятую полусферу, как щит, с трепетом слушая, как пробивают толстый войлок костяные наконечники, чуя смрад от горения перекишшего кумыса, коим был пропитан шатер. Поднатужившись, выкинули белый купол за корму, и он поплыл, шипя и плюясь искрами, медленно затухая.

Плот стал невидим для преследователей.

Глава пятая

Весеннее солнышко пригревало. Птицы носились высоко в небе, ловя мошек, – не иначе, к хорошей погоде. Ветер чуть рябил широкие волжские воды, по которым к устью медленно плыла арба с дюжиной человек на борту. Оглобли для впряжения быка оставляли за ней две расходящиеся пенные дорожки. Колеса, выполняющие роль килей, медленно вращались, будто катились по воде.

Афанасий дремал на носу, прикрыв глаза. Михаил по третьему или четвертому разу рассказывал историю их спасения, каждый раз приукрашивая ее новыми подробностями. То Афанасий бежал к берегу с двумя телегами в руках, да выронил одну. То он, Михаил, заступил дорогу несметному полчищу и саблей порубил многие сотни. То десятки татар бросались за ними вплавь и тонули в стремнине. Другие купцы слушали, затаив дыхание. Не перебивая, не подначивая и не ловя на неточностях, – просто наслаждались хорошим рассказом. Маленькая палуба то и дело оглашалась взрывами смеха.

Хитрован с одним из своих племянников рылся в куче тряпья. Умыкнутая Афанасием арба принадлежала мужу какой-то богатой и скаредной татарки. Модница собирала в свою юрту самое разнообразное тряпье – от платьев из тонкого шелка до тяжелых шуб из крашенных собак да линялых зайцев. Но особой чистоплотностью не отличалась, потому все было скомкано, смято, покрыто пятнами застывшего жира и довольно сильно воняло.

Хитрован извлек из груды расписанную огромными розами по белому сукну сорочку. Растянул на руках, разглядывая. Подивился размеру:

– Что ж за напасть? Такое платье разве что гиппопотаме заморской впору будет. Или на Андрея, вон, напялить, да и то подвязать придется.

– Это у нас на Руси женщина ценится тонкостью стана да величием груди, – разъяснил Михаил, отрываясь от очередной версии сказки про чудесное спасение. – А здесь нехватность стана ценится, и чем он нехватнее, тем, значит, и красивее. Да на нос еще и ноги смотрят.

– А что нос и ноги? – заинтересовался Хитрован, в этих краях почти не бывавший и с местными обычаями не знакомый.

– Нос должен быть маленький и курносый, как пуговица. Такой примерно. – Михаил приподнял пальцем кончик своего носа, показывая, как должно быть. – А ноги колесом. Чем кривее, тем лучше. – Он изогнул свои в коленях. – От так. Это чтоб удобнее за бока лошадиные цепляться было.

– Да то не гиппопотам, то целая крокодила получается, – ужаснулся Хитрован. – Как с такой уродиной жить?

– Да ничего, живут не тужат, – ответил Михаил. – Детей, вон, рожают табунами. Ты подумай, может, и тебе кочевницу присмотреть, вы б хорошо вместе смотрелись.

– Я-то «может быть», а ты, похоже, уже, коли столько о бабьих кривоногостях знаешь. Ведь чтоб это узреть, надо ее того...

– Да иди ты... – Михаил выудил из горы тряпок какой-то платок, скатал его комом и швырнул в обидчика. – В штанах они ходят под кафтанами длинными, оттого и видно.

Хитрован со смехом увернулся.

«Вот ведь, – подумал Афанасий, наблюдая за ними, еще прошлой ночью под смертью ходили. Злые, напуганные, голодные. А опасность миновала, солнышко пригрело – и расцвели. Зубоскалят».

– Корабль, корабль! – закричали с кормы.

Купцы враз замолчали, подобрались, вглядываясь в серый росчерк под белым пятнышком паруса. Михаил положил руку на рукоять сабли. Добрые люди или разбойники опять?

Или местный князек, запросто способный покуражиться над беззащитными купцами? Или иная напасть?

– Варяги? – брякнул один из крестников.

При этом слове всем на плоту стало не по себе.

Историями о набегах витязей в рогатых шлемах до сих пор пугали непослушных детей.

– С чего это ты взял? – спросил Андрей, задремавший было в теньке, но теперь вскочивший на ноги и вместе со всеми оглядывающий корабль.

– Да вишь, фигура какая у него на носу, – ответил тот. – Змеюка, пасть раззявившая. От нее название их гадостное²³ и пошло.

– Не похоже. Вишь, щитов по бортам нет, что воинов от стрел прикрывать должны. И выпела на мачте нету. Это купцы новгородские. У самих, небось, поджилки трясутся по морям ходить, вот и строят корабли, с драккаров слизанные, чтоб таких олухов, как ты, отвадить.

– Хотелось бы верить, – буркнул Михаил.

Андрей посмотрел на него с прищуром: мол, зелен еще мне не верить.

Корабль меж тем приближался. Уже стали различимы резная голова со вставленными вместо глаз кусочками слюды, выплевывающая символический огонь, фигурки людей, копошащихся у мачты, и крест на парусе. Слава богу, православный.

Стремительно разрезая темные воды, корабль поравнялся с плотом. Вся его команда столпилась у одного борта, разглядывая плывущее по воде сооружение.

– Чего вылупились-то? – подбоченясь, спросил их Хитрован. От пережитого испуга он стал злым и петушливым.

– Как тут не вылупиться, – ответил с корабля дородный плечистый мужик, по всему, владелец или главный наниматель. – Сколько лет с товаром хожу по землям разным, отродясь такого чуда чудного, дива дивного не видел.

– Ну, смотри, – разрешил Хитрован. – За просмотр денег не берут.

Мужик хмыкнул и пожал плечами, отойдя от борта.

– Э... погоди, – окликнул его Афанасий.

Тот замер, глядя на него через плечо.

– Прости друга нашего. Не ел давно, не спал две ночи, с татарами зарубался. Видать, умом со страху чуть повредился. Кидается на всех. – С этими словами Афанасий так наступил на ногу Хитровану, что тот скрючился от боли, забыв мерзкие слова, готовые вырваться из его горла.

Заслышав вежливое обращение, мужик повернулся к Афанасию, вопросительно поднял бровь.

– Купцы мы из Твери, в Ширван направлялись, да стали жертвой разбоя. Товар у нас покрал, вот идем к шаху ихнему Фарруху. Вызволять.

– Дело святое. Удачи вам желаю купеческой.

– А сам куда идешь?

– В Ширван, вестимо. Сейчас все туда идут.

– А может, возьмешь нас на борт да подвезешь хотя бы до Тарки?

– И рад бы, да не могу. Все товаром завалено, людей сажать некуда. Да и деньжат, – он внимательно осмотрел купцов, – судя по всему, у вас нету. Чем платить будете?

– Деньжат нету, то верно. А может, платьями возьмешь?

– Некуда мне платья девать, православные. Ничем помочь не могу.

– А может, на веревку нас подцепишь? – спросил Михаил.

²³ Драккар (drakkar, от древнескандинавских drage – «дракон» и kar – «корабль», буквально – «корабль-дракон») – деревянный корабль викингов, длинный и узкий, с высоко загнутыми носом и кормой.

– Это как?

– Сбросишь веревку за борт, привяжешь к корме, а мы ее тут у себя зацепим и пойдем за тобой, как плуг за лошадей. Ну, а когда придем, отдадим тебе все тряпки в благодарность. Вон у нас их сколько.

Афанасий вырвал из рук хитровановского племянника огромных размеров рубаху и показал на растяг.

– Эва!

Мужик хмыкнул, почесал бороду, покачал головой, усмехнулся и махнул рукой: а давайте, мол. К корме привязали канат, сбросили в воду. Один из племянников его выловил и закрепил за прочную доску. Поплыли.

Новгородский купец не удержался от проказы, велел-таки спустить весла. Корабль рванул вперед, увлекая за собой тверских купцов. Поначалу было боязно, на набегающей волне нос плота задирало вверх. Колеса арбы крутились со скрипом. Все на ней ходило ходуном. Но постепенно привыкли. Успокоились, разлеглись на палубе. Даже умудрились поспать ночью, хотя многим было не по себе.

К тому времени, как дошли до моря, в эту пору удивительно спокойного, успели пере-знакомиться. С купцом, прозывавшимся Василий сын Александров, и племянником его, угрюмым мужиком, бывшим десятником городской дружины, тверичи как-то не сошлись. Потому старшие держались особняком. А вот племянники и крестники сбились на носу, перекрикиваясь с такими же юнцами с корабля о житье-бытье.

От них тверские купцы узнали, что на границах с княжеством Московским опять неспокойно. Иван Васильевич, князь московский, окончательно подминает под себя Новгород и Ярославль, мутит удельных князей и бояр, переманивает их на свою сторону. А Михаил ищет союза с польским королем Казимиром.

– Не к добру это, – горько покачал головой Андрей. – Если Михаил с Казимиром задружатся, не простит его Иван. Война будет. Сеча великая.

– Да обойдется авось, – потянулся Хитрован с деланной ленцой. – Сколько уже козней да войн открытых случилось, а стоит Тверь-матушка.

– Раньше-то войны были один на один. Князь на князя, дружина на дружину. А теперь, вон, гляди, как объединяются все. Дружат друг супротив друга. Ежели не одна Москва, а еще и Ярославль с Новгородом Великим навалятся, да Ростов им подмогнет, не устоять.

– Возвращаться надо скорее, к жене, к детушкам. А то мало ли...

– То-то ты за них один перед войском Ивана встанешь?

– И встану, чего терять? А ты не встанешь?

– А я думаю, может, продать все да уехать в Ширван, пока все не успокоилось, а то и насовсем. Или в Ливонию. Или в другое место, потише.

– Потише? Да где ты его возьмешь, потише-то? – спросил Афанасий. – Куда ни плюнь, война кругом. С Ордой по всем границам того и гляди полыхнет. Гишпанцы с маврами рубятся. Бритты с франками сто лет воевали, не так давно закончили. Теперь у Ганзейского союза с бриттами неприятности выходят, скоро воевать начнут, тогда плакала твоя Ливония. Османы Константинополь взяли, оплот веры православной, и столицу там устроили. У персов вообще не пойми что творится, кто кого завоевал, кто где хан. Разве что Индия... Да и то, хорасанцы половину уже к рукам прибрали, говорят, и дальше движутся.

При словах об Индии Михаил, пребывавший в задумчивости, вскинулся. Хотел что-то сказать, да передумал. Снова затих, ковыряя пальцем доски, из которых был сколочен настил. Афанасий хотел было расспросить друга о кручине, да не успел.

– Земля! Земля! – донеслось сверху.

Впередсмотрящий горностаем соскользнул с мачты и побежал по кораблю, размахивая шапкой:

– Земля!

Событие было действительно великое. Это по реке, когда берега видно, плавать сподручно, а в море открытом, когда вода кругом, боязно. Вдруг заплутаешь и будешь кружить, пока запасы не выйдут. Или прибудет к землям неведомым, где не то что люди дикие – чудовища водятся.

Постепенно из морской глади выступили пики заснеженных гор с шапками облаков на них. Узкая полоска берега. Тонкие, как иглы, минареты, пузатые купола мечетей, городские стены и причалы с множеством кораблей.

– Батюшки, да это ж мы до самого Дербенту дошли! – ахнул кто-то из молодых.

– Купцу Василию Александрову благодарными надо быть, да и Богу поклониться, что так все обустроил, – наставительно поднял палец Андрей. – Но прав ты, Дербент.

– Эй, на телеге! – донеслось с корабля. – Вас к главному причалу подвозить али на бережку в кустиках высадить?

– Не тати мы ночные, чтоб по кустикам прятаться, – со смехом ответил Михаил.

– Но лучше все-таки не к самому причалу, а туда, вон, где лодки на берег вытаснены, – сказал Афанасий. – А то тяжеленько будет нам телегу из воды тянуть.

– Как знаете! – улыбнулся Василий. – Ну, счастливо вам!

– Эй, а тряпки-то?

– Себе оставьте, – донеслось с корабля. – Вам нужнее будут.

– Спасибо, люди добрые, – прокричал Афанасий вслед удаляющемуся кораблю.

Корабль вошел в дербентскую гавань. Сбросив парус, на веслах вырулил к причалу и, гася набранную скорость, впритирку к другим бортам встал на свободное место.

Тверичи же своим ходом погребли. Окрестные жители и купцы с других судов высыпали на пристань смотреть, как дюжина оборванных, грязных, заросших бородами мужиков вытаскивает из воды на берег полную женского тряпья арбу. Шуточкам и подначкам не было конца.

– А хорошо, Афоня, что ты эту телегу увел, а не другую, потяжелее, – прохрипел Михаил, плечом упираясь в огромное колесо.

– Да как ты ее вообще с места сдвинул? – подивился Хитрован, мотая головой, чтоб вытрясти попавшую в уши воду.

– Катить там было под гору. Но на самом деле это я со страху, – ответил Афанасий, подседая под задок, чтоб арба не съехала обратно и не отобрала с трудом отвоеванные у моря аршины. – Я, как за оглобли взялся, так такая волна на меня накатила, что мог бы и самую большую, о шести колесах, уволочь.

– Слава богу, не уволок, а то полегли б тут под ней все, – усмехнулся Михаил. – Уф, тяжелая, зараза!

Наконец они вытянули арбу на сухое место и в первый раз за несколько дней присели на твердую землю. Закрепили арбу оглоблями на земле, расселись вокруг, отдыхая. Солнце жарило так, что одежда высыхала прямо на глазах, спекаясь в каменной твердости корку поверх кожи.

Поразмыслив, решили, прежде чем приступить к делам, откатить арбу на базар, благо первые ряды начинались сразу за портовыми сараями. Продать татарскую рухлядь за сколько можно и справить себе новую одежду. Пусть недорогую, зато чистую да целую. Нехорошо в гости ходить, когда срам наружу.

Местный люд подивился на впрягшихся в большую арбу оборванцев, но недолго. Дербент – город из древнейших в мире, его улицы повидали и не такое. Стражники хотели подойти, разобраться, кто, откуда, но, увидев бедственный вид путников, отстали. Блюсти порядок было жарко и лень, а мзды с таких нищевродов не получишь.

Одежда татарская, разномастная да запачканная, была никому не нужна, зато на арбу спрос оказался немалым.

Не знавший местных языков Хитрован через доку Михаила стал с упоением торговаться и поднял такую цену, о которой другие и помыслить не могли. Сбыв арбу и дав в придачу все тряпки черноглазому, судя по повадкам, купчику-армянину, они отправились в одежный ряд. Дабы не тратить лишнего, купили все в одной лавке, на окраине. Получилось без особого разнообразия: местной выделки сандалии, серые штаны из некрашеной холстины да белые рубахи до колен, с ременным подвязом. Различались они только вышитым рисунком по вороту и рукавам.

Купцы взяли себе с рисунками погуще да побольше. Крестникам и племянникам выделили с тоненьким, в одну нить, или совсем без него. Пусть с молодых ногтей учатся старших уважать. Чтоб не ходить с босой головой, каждому приобрели по дешевой тюбетейке с татарским узором, на большее тратить пожалели. Кое-как запихали под них отросшие патлы.

На оставшееся зашли в ближайшую чайхану. Рассевшись на ковриках, заказали казан плова, фруктов заморских, среди коих виноград, который в Твери днем с огнем сыскать было трудно, да чаю зеленого. До него Михаил оказался большой охотник, а остальным было все равно.

Вина и сластей решили не брать. Первое было кислое, а вторые настолько сладкие, что после них долго хотелось плевать. Чтоб не лазать пальцами в общий котел, попросили тарелок и ложек. Хозяин покачал головой и, отгоняя от потного заливка мух, ушел за ширму. Вернувшись, принес деревянные кругляшки и гладко обструганные дощечки.

Набрав себе чуть риса и выкопав из-под него большие куски баранины, оголодавшие купцы принялись поглощать их, почти не жуя. Наконец, томные, со вздувшимися от сытости животами, отвалились на подушки, держа в руках пиалы с зеленым чаем, с непривычки противным, но очень помогающим на местной жаре.

– Ну, что? – спросил Андрей, когда мясо в казане закончилось, а последнее волокно было выковыряно из зубов, рассмотрено и отправлено обратно в рот. – Пора в Шемаху собираться, к шаху?

– Не надо в Шемаху, – сказал Михаил, с хлопаньем втягивая в себя горячий чай.

– Как не надо? – удивился Хитрован.

– А так, – улыбнулся Михаил, довольный произведенным впечатлением. – Пока вы по базару шляли, я нужных людей порасспросил. И знаете, что выведал?

– Да говори уж, не томи! – сказал Афанасий, которого еще в детстве сильно раздражала таинственность, которую иногда напускал на себя Михаил.

– Здесь Ширван-шах. Приезжал по нужде да остался. И Василий Панин тут. Чего ему в Шемаху с посольством тащиться, ежели шах сам приехал?

– Так что, прямо к шаху пойдем? – спросил кто-то из племянников, сыто рыгнув.

– Мал ты еще прямо к шаху ходить, – щелкнул его по носу Хитрован. – Сначала надо бы к послу московскому наведаться.

– Ох, не нравится мне это, – покачал головой Андрей. – Слыхали, что люди с корабля сказывали? Чуть не война скоро.

– Мало ли что купцы говорят? Вон Михаила послушать... – усмехнулся Хитрован.

– Не надо напраслину возводить, – ответил тот, обиженно сжав губы в ниточку. – Я если и присочиняю чего, так безобидно, чтоб другим веселее было. А про побоище сочинять не стану.

– Ладно, Мишка, – положил ему на плечо руку Афанасий. – Не про тебя он, а как бы вообще.

– Ну и пусть говорит вообще, а не мое имя поминает.

– Извини, Михаил, если обидел, – склонил голову Хитрован, было видно, что повинная далась ему с трудом. – Не со зла я.

– Да ладно, – махнул рукой тут же остывший Михаил. – Пустое.

– А про дело что скажешь?

– Мыслю я, к послу наперво. Подарков шаху у нас нет, одежда простая, от сохи. Не будет к нам уважения. А если мы за послом придем, который уже и золота, и парчи, и кречетов хану вручал, да в шубе собольей ходит, примут не так. У них тут все просто – чем пузо больше наел и чем гуще золотом увешался, тем шибче тебя уважают.

Афанасий кивнул, соглашаясь.

– Можно подумать, у нас не так, – сварливо заметил Хитрован, которого часто корили за удобу.

– Ладно, не о том мы сейчас. Чего заедаться по каждому поводу? Давайте лучше с челобитной дело решать. Денег-то на один раз поесть осталось, – взял бразды правления в свои руки Афанасий. – Так к послу или к шаху?

– К послу. К послу хотим! – раздались голоса.

Оно и понятно, людям было боязно. О шахах сказывали разное, но хорошее редко. Истории о том, как отрубают головы, варят и бросают диким зверям на растерзание, частенько рассказывались на купеческих стругах.

– Что ж, пойдете к послу, – подытожил Афанасий.

– Только вот что. Давайте не будем говорить, что тверичи мы, – предложил Хитрован. – Кто его, посла Василия, знает, как он к нам отнесется теперь?

– Хорошо, давайте так – станем говорить, что из разных мест Руси-матушки, а то и умолчим о городе своем, если не спросят.

Они поднялись. Хитрован отсчитал чайханщику медяков из общей казны, горько вздохнув, затащил потуже опустевшую мошну, и они тронулись.

Дербент вырос на месте старинной дереvушки, и его история читалась на стенах, как в открытой книге. Сначала на месте землянок построили глинобитные дома, иногда просто обкладывая смешанной с соломой глиной старый каркас. От этого фасады многих домов получались скругленными, выпирая на улицы сытыми животами. А над образовавшимися нишами были сделаны соломенные навесы от солнца, в тени которых мог передохнуть каждый.

Ближе к центру, где жили горожане побогаче, над домами надстраивали верхние этажи из песчаника, а кое-где и из дерева, что в этих безлесных краях считалось особым шиком. Окон же в стенах не делали, чтоб солнце не нагревало внутренние помещения до печного жара. Если какие окна все же имелись, то выходили они в узкие дворы-колодцы, в которые солнце не могло проникнуть никак. Еще ближе к центру дома возносились уже на высоту трех-четырех этажей, сохраняя слепоту фасадов. Растительности практически не было, чахлые стебельки, сумевшие пробиться сквозь утоптанную в камень землю улиц, сгорали на жару.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.